ИГНАТИЙ ПОНОМАРЁВ

ЛЕСНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Д













ИГНАТИЙ
ПОНОМАРЁВ

ЛЕСНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

РАССКАЗЫ

МОСКВА
„Детская литература"
1979

Однажды такой случай вышел. Двое ребят заблудились в сибирской тайге. Казалось, быть беде. Но один из мальчишек хорошо знал повадки «лесного народца», и это помогло ребятам выбраться из тайги. А как всё произошло, вы прочтёте в рассказе этого сборника «Лесные человечки». Остальные рассказы познакомят вас с другими интересными случаями из жизни людей и животного мира таёжной Сибири.

Рисунки В. Лаповок

$П \frac{70802-298}{М101(03)79} 391-79$



КОЛДУН

Жил в нашей деревне Егор Зарубин, молчаливый одноглазый старик по кличке Колдун. Был он рыбак и охотник и добывал столько рыбы и зверя, что все в деревне невольно разводили руками и сгорали от зависти. Да и как было не позавидовать? Пойдёт Егор на реку — несёт ведро налимов или карасей корзинку, пойдёт в тайгу — тащит в клетке лисёнка или глухаря — живых! Но самое удивительное было в том, что всё это Егор добывал почти голыми руками — без сетей, без удочек, без капканов и без ружья. Как ему такое удавалось, никто не знал, да и знать не мог: Егор был человек нелюдимый и секрета своего никому не открывал. За это его и прозвали Колдуном.

Прозвали, конечно, в шутку. Но мы, ребятишки, почему-то были убеждены, что дед Егор колдун самый настоящий, и крепко побаивались его. А чтобы оправдать свой страх друг перед другом, сочиняли про деда всякие небылицы.

Говорили, что у него в подполье живут красные змеи, а на чердаке сидят голубые совы. Говорили, будто к деду по ночам приходит маленький леший и дед играет с ним в карты. А карты у лешего не из бумаги, а из осиновых листьев, и на каждом таком листе нарисованы страшные звери и змеи. Говорили...

Многое ещё мы говорили про деда и, наконец, так запугали себя, что даже от страха перестали ходить мимо Егоровой избы, которая стояла у леса на краю деревни. Больше всех боялся деда я. Стоило мне только услышать «Колдун идёт!» или увидеть его, как я уже опрометью бежал прочь. Но сколько ни бегал, а встретиться с Колдуном мне всё-таки пришлось.

Это случилось в конце лета. В тайге только что созрели кедровые шишки, и все ребята то поодиночке, то гурьбой стали бегать за ними в ближний кедрач. Пошёл один раз и я.

День выдался жаркий, душный. В лесу крепко пахло пихтовой смолой, грибами, малиной и прелыми листьями. Гранитные валуны, стволы деревьев и груды хвороста — всё было сухим и горячим. Обливаясь пóтом, я собирал в тёплой траве шишки, которые только что сбил с кедра. Их оказалось так много, что я не подобрал ещё и половину, как уже наполнил и котомку и берестяной туесок.



Больше класть шишки у меня было не во что, и я перестал их собирать. Усталый, но довольный я сел на валежину у ручейка передохнуть. Вынул из кармана кусок хлеба, помятое яйцо, солёный огурец и принялся есть, поглядывая по сторонам. Вокруг гудела обычная таёжная жизнь горной Хакасии.



На широкой поляне, что виднелась неподалёку, стояли шум и гвалт. Там пировали кедровки — клевали спелую чернику, которой была усыпана вся поляна. Изредка до моего слуха доносились тонкие посвисты рябчиков. Эти птицы прятались где-то в тени густого ельника. Раз на поляне показался зайчишка, но, заметив человека, поспешно скрылся в тёмных зарослях ольховника. И кедровки старались держаться от меня подальше. Зато полосатые зверьки — бурундуки вели себя смело и даже нахально. Они то и дело подходили ко мне очень близко, хватали с земли кедровые шишки и убегали. Один бурундук до того обнаглел, что вытащил шишку из моего туеска.

— Вот жулик-то! — вдруг услыхал я позади себя старческий голос, оглянулся и обмер.

В трёх шагах от меня стоял Колдун и смотрел на бурундука, удирающего с шишкой. Он был хмур и страшен. Широкая зеленоватая борода его топорщилась. Чёрная трубка, торчащая изо рта,

шипела и потрескивала. Из волосатых ноздрей валил жёлтый дым. Под навислыми бровями таинственным, злым огоньком поблёскивал единственный глаз. В руке у Колдуна была отполированная кривая палка, а из-за пояса торчал длинный охотничий нож.

Лютый холодок пробежал по мне. Я хотел вскочить и кинуться прочь от страшного старика, но не смог. Ноги будто налились чугуном и вмиг затвердели.

— Ты что это вдруг побелел? — пристально поглядев на меня, спросил Колдун.— Что с тобой? Меня, что ли, испугался?

Я не мог произнести ни слова.

— Вот дуралей! — ласково проворчал старик и присел подле меня.— Не пужайся, не трону.

Он неторопливо выбил пепел из своей могучей трубки в ручеёк и заткнул её за голенище сапога. Потом снял с плешивой головы кепку, смахнул ею пот со лба, рябого от оспы, и устало вздохнул:

— Жара-а... А тебе, вижу, холодно — дрожишь.— Он насмешливо покачал головой: — Эх, ты... Кривого деда испугался!

В голосе старика появилось столько теплоты и добродушия, что я невольно улыбнулся и начал приходить в себя. А старик с недоумением бормотал:

— И почему вы, мальчишки, боитесь меня? Разве я бью вас или ругаю? Вот чудаки-то!.. Скажи, чего ты сейчас испугался? Думаешь, съем тебя, что ли?

Я пригляделся к Колдуну, и лицо его перестало казаться мне страшным. Оно просто сильно заросло бородой, и только. И взгляд у деда оказался не злым, а приветливым. Всё это меня успокоило, и я

заключил, что дед и вправду не хочет сделать мне ничего плохого. Я сказал ему осторожно:

— Все говорят, ты колдун. Потому и боимся тебя.

— Ах, во-он что...— понимающе растянул дед.— Взрослые скажут, а дети пятки кажут. Ясно теперь.

Дед задумался, потом озорно поглядел на меня и вдруг промолвил загадочно:

— А я и вправду колдун. Да! Хочешь, сейчас вот сюда бурундуков позову? Гляди!

Он вытянул губы в трубочку и звонко захоркал по-бурундучьи. И тотчас из-за куста жимолости выскочил полосатый зверёк и замер неподалёку от нас. За ним появился второй. Оба расселись на валежинах и, подняв свои прозрачные серебристые хвостики, с любопытством принялись разглядывать деда. А тот продолжал хоркать и весело подмигивать зверькам, словно о чём-то говорил с ними на непонятном мне языке.

Мне опять сделалось страшно, и я потихонечку отсел от странного деда. Он заметил это, громким свистом прогнал бурундуков и хитровато улыбнулся:

— Чем не колдун, правда?

— Да,— растерянно кивнул я.

— Ну, то-то! — сдвинув лохматые брови, погрозил он мне пальцем.— Любого зверя могу околдовать!

— А птицу можешь? — робко спросил я.

— И птицу. Пожалуйста!..

Дед срезал ножом стебелёк пырея, сделал на нём продольный разрез и прошептал мне:

— Только тихо сиди!

Он взял кончик стебелька в губы и стал дуть. Послышался длинный и тоненький, как паутинка,

звук, сильно похожий на свист рябчика. Дед повторил его ещё раз и ещё... И тут я увидел в кустах рябчика. Пригибая к земле голову, он торопливо бежал к нам. Дед перестал свистеть, и рябчик замер на месте. Вытягивая шею, он долго озирался вокруг, прислушивался. Дед вновь засвистел, и рябчик опять побежал. Он уже был в трёх шагах от деда, когда наконец заметил нас. Тотчас издав тревожный свист, рябчик с шумом рванулся в воздух и скрылся.

— Так и я умею,— сказал я старику.— Только не стебельком, а маночком. Меня этому Сергунька Петров, наш сосед, научил. Поманишь — они и бегут, иногда целой стайкой, думают, их мать-рябчиха зовёт. Да!

— Вот как! — прищурился дед.— Тогда, выходит, ты тоже колдун. Точно такой же, как я. Только разве чуть-чуть послабее.

Он рассмеялся, стал весёлым, а я призадумался.

— Почему же я колдун? — возразил я.— Просто я повадки их знаю, и всё.

— А почему же я тогда колдун? Я ведь тоже одни только повадки знаю, и ничего больше. Почему же я вдруг колдуном стал, а?

Мне вдруг сделалось стыдно за свой страх перед дедом, и я потупился. Дед произнёс с упрёком:

— Кто-то болтает, а ты уши развесил. Эх, ты!.. В сентябре, поди, в третий класс пойдёшь, а всё в чепуху веришь. Пора бы начинать помаленьку взрослеть.

Я молчал. Он набил трубку махоркой и раскурил.

— Знаешь, почему бурундуки-то ко мне сбежались? — спросил он и тут же сам объяснил: — У каждого одного или парочки бурундуков есть

свои владения, куда они других не пускают. Зная это, я и захоркал по-бурундучьи. А они услыхали и враз примчались глянуть: какой-де чужак посмел в их царство забраться?! Да. И вообще они любопытные. До всего им есть дело. Увидят, к примеру, человека и начинают вокруг него бегать. Через них я и тебя тут нашёл. Шагаю по тропке и вдруг слышу: бурундуки посвистывают! Эге, думаю, человек где-то рядом или медведь. Пошёл и тебя увидел. Вот так. Вот и всё тут тебе колдовство. Понял?

Неожиданно в стороне послышался звонкий лай собаки. Дед Егор насторожился, послушал и заключил довольно:

— Рыска моя лает, соболятница. Послал её соболя искать, и вот нашла, остроносая. Слышишь, как заливается? Ну-ка пошли к ней!

Он взял мою котомку с шишками, я подхватил туесок, и мы побежали на лай собаки.

Дед оказался прав. Рыска действительно нашла соболя. Захлёбываясь лаем, она прыгала вокруг высокого кедра, на вершине которого сидел бурый зверёк. Кедр был сухой, без единой хвоинки — сушина старая.

— Ага! Ловко ты его посадила. Ловко, Рысочка! — с восторгом заговорил дед Егор.— Славно, милая. Славно! Сейчас мы его возьмём, разбойника. Не уйдёт!

— А как мы его возьмём? — удивился я.— У нас же ничего нет — ни ружья, ни винтовки.

— А зачем нам это? — махнул рукой дед.— Мы его убивать не будем. Мы его живьём возьмём. Убивать и нельзя: закон не велит да и шкурка сейчас плохая. Так его возьмём, руками. Возьмём и в зверосовхоз отправим. Там давно уже заказали мне соболя поймать, да я всё не мог:



погода была дрянная. А сегодня погодка — самый раз! Видишь, аж смола топится!

Дед Егор кивнул на янтарную сосульку, висевшую на пихтовом сучке. К ней прилипли две толстые мухи, жук-дровосек и несколько муравьёв.

— Давно я ждал такого денька,— произнёс дед.— Давно! — Он довольно потёр ладони и сел под куст.— Садись и ты. Здесь тень, прохладно. Садись, и будем ждать.

— Чего ждать? — подсел я к нему.

— Сам увидишь,— ответил он уклончиво.— Рыска, а ты лай громче! — крикнул он собаке, которая и без того не переставала тявкать и визжать, бегая вокруг дерева.

— А сколько мы будем ждать? — спросил я.

— Как время покажет,— ответил он опять уклончиво.

Мы умолкли. Я был растерян и недоуменно поглядывал то на деда Егора, то на соболя, тихо сидевшего на толстом голом сучке.

— Чудно́ тебе? — усмехнулся дед.

Я кивнул ему, посидел в задумчивости и задал вопрос:

— Дедушка, а как ты карасей ловишь безо всего?

— Как это «безо всего»? — удивился он.— Это налимов можно безо всего. А карасей я корзиной ловлю. Да. Карась, он где живёт? На дне, в иле. Вот я оттуда его и достаю. Беру корзину и тащу

её боком по самому дну. Вытащу — в ней караси. Подберу их и снова корзину в воду.

— А почему же они корзины не боятся?

— Боятся, да только не видят её. Я же их в мутной воде ловлю. А налимов, тех, наоборот, в светлой надо ловить. И чтобы день был ясный. Они в такой день под корягами в тёмных норах лежат. Приметишь такую нору, закроешь вход подсачеком и руку под него суёшь. Нащупаешь там налима — и хвать его за жабры! Он брыкается, а ты его тут раз в ведро — и готово! Потом к другой норе идёшь. Денёк вот так поколдуешь — ведро налимов несёшь. Ясно?

— Ага, ясно теперь,— сказал я и спросил опять про соболя: — И его, значит, мы как-нибудь так же возьмём, да?

— Конечно. Поколдуем тут ещё малость с тобой и возьмём... Смотри! — вдруг воскликнул дед и вскочил на ноги.— Вон уже как мы его заколдовали!

Я глянул на соболя: он почему-то едва-едва держался на сучке. Держался только передними лапами, а задние отвисли, словно перебитые. Я перевёл взгляд на деда. Он торопливо развязывал свой рюкзак.

— Ну-ка ляг и замолчь! — приказал он собаке.— Будет с тебя!

Рыска покорно легла, но продолжала повизгивать, не сводя глаз с соболя, который теперь держался за сук уже только одной лапкой.



— Дедушка, что с ним такое?

Дед не успел мне ответить, как соболь вдруг сорвался с дерева и полетел вниз. Дед выбросил руки вперёд и ловко поймал зверька.

— Назад! — крикнул он подскочившей к нему Рыске и быстро сунул зверька в свой рюкзак.

Сияющий, он опустился на траву и подолом рубахи стёр со лба пот. Я подошёл к нему и осторожно заглянул в рюкзак.

Соболь лежал неподвижно, будто мёртвый.

— Что с ним случилось, дедушка?

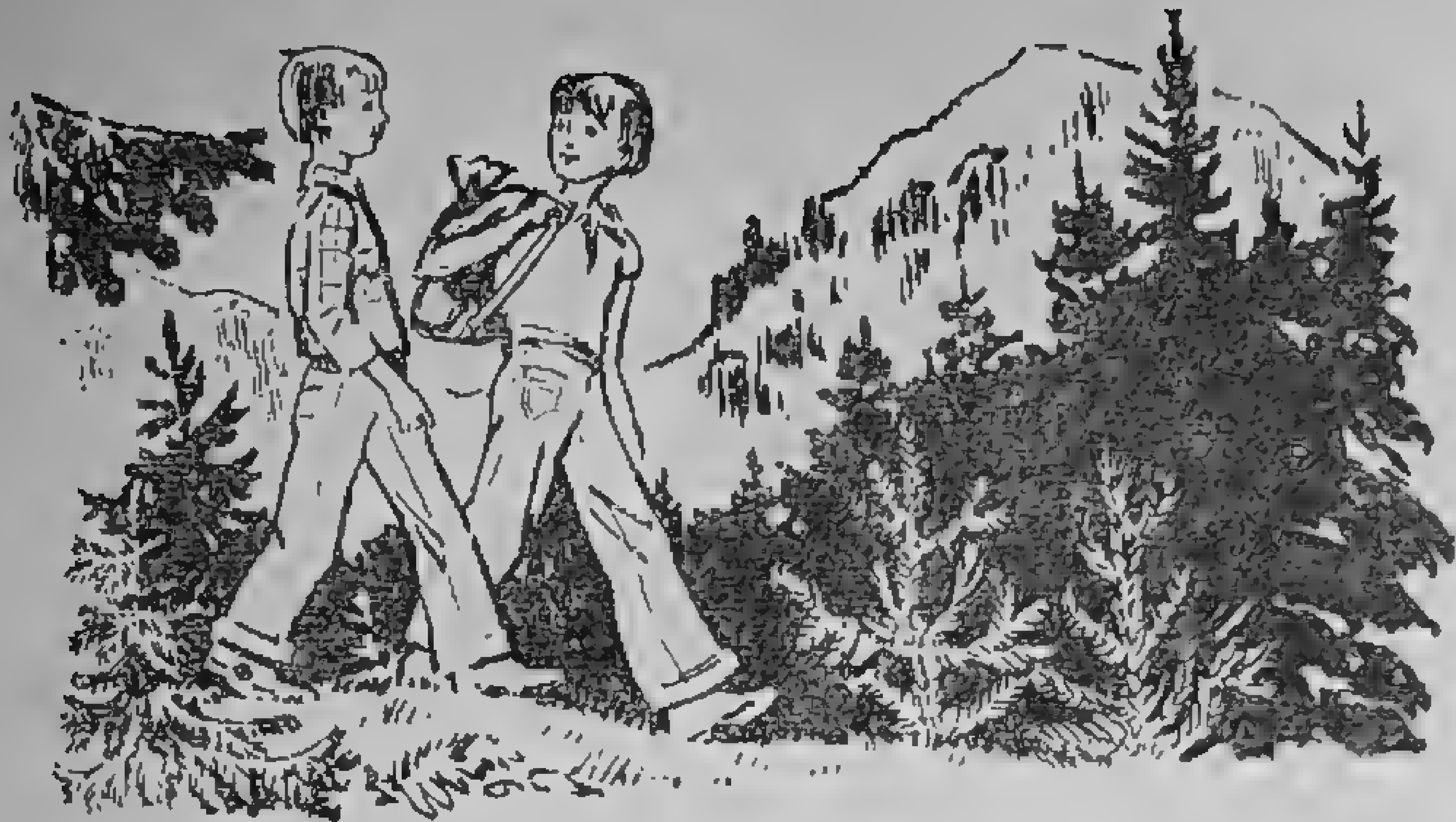
— Что надо,— усмехнулся дед и объяснил: — Это с ним от перегрева такое. Жара-то, видишь, какая! А соболь жары не любит. И ещё солнца боится: оно его усыпляет. А тут и жара и солнце вместе. Вот его и ударило. А до того, как Рыске его найти, он, конечно, в тени хоронился.

— Оживёт? — полюбопытствовал я.

— Оклемается. Мы его дома в погреб посадим. Там холодно, живо поправится. А бывает, умирают, ежели вовремя не отходить. Да, случается...

И дед принялся рассказывать о соболях, об их повадках. Потом незаметно заговорил о других зверях, о рыбе, о птицах, о тайге... Я, помнится, слушал его с упоением и невольно ловил себя на том, что любуюсь им, этим некрасивым, кривым стариком, который ещё совсем недавно казался мне безобразным и вид его страшил меня.





ЛЕСНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Жили на Алтае в лесной избушке Петька да Коська — два брата, дети лесника. Петька был маленький, а Коська ещё меньше — ему только седьмой год с весны пошёл.

Братья были дружные ребята, хотя и дрались на дню раза по три. То Петька надаёт тумаков Коське, то Коська намнёт бока Петьке. Мать, бывало, только и слышит: то Петька заревел, как медведь, то Коська заорал, как козёл. Выбежит она из избы во двор, начнёт спрашивать, кто зачинщик. А братья в голос:

— Мы-ы...

Мать лишь всплеснёт руками, поворчит да и вернётся в избу. А Петька с Коськой снова в драку, и опять у них рёв на всю тайгу стоит.

— Двое дерутся — третий не лезь, а то от обоих достанется,— бывало, говаривал отец матери.— Подерутся — сами разберутся.

Так оно и было. Подерутся братья, поплачут, а затем, глядишь, уже и в обнимку сидят. То Петька что-то Коське рассказывает, то Коська что-нибудь Петьке делать помогает.

Дружные были ребята. Особенно когда принимались мастерить что-нибудь вместе. А мастера они были на все руки. И капканы на мышей делали, и свистульки различные — птиц подманивать. Петька, тот даже дуплянки вырубал и по деревьям их развешивал. Дуплянки — это домики для птиц. В них потом разные синички поселялись, а иногда, случалось, даже стрижи.

Мастерству братья учились у отца. Он у них большой умелец — любую вещь сделать может. Подкова Сивке нужна — выкует; табуретка сломалась — новую сколотит; сепаратор забарахлил — отремонтирует. А как он быстро да споро работает — будто чародей какой! Лежат, например, на верстаке лишь доски да проволока. Но вот появляется отец, берёт в руки инструменты, запевает про «звёзд ночной полёт», и вместо досок и проволоки на верстаке вдруг оказывается готовенький капканчик на крота.

— Вот это да-а!..— удивляются Петька да Коська и сами пробуют смастерить такую же штуковину.

Отец помогает им, подзадоривает: то одного похвалит, то другого, то обоих поругает враз. А дело идёт. И смотришь, у ребят тоже ловушка на кротов готова.

Хороший у братьев отец: о чём ни спроси его — всё знает, обо всём расскажет. Но больше всего Петька с Коськой любят расспрашивать его о тайге, о зверье и птицах. Бывало, увидят или услышат что-нибудь в лесу незнакомое и тотчас бегут к отцу с вопросами.

— Папа, кто это так кричит, точно плачет: «Кя-яй, кя-яй»?

— Канюк,— отвечает отец,— птица такая. Вечно кричит, будто на жизнь жалуется, канючит, словом. Но птица она хорошая — мышей ловит и других всяких вредных грызунов. Её беречь надо, охранять, как сову или филина.

— Папа, а вот так кто свистит — «фюр, фюр»? Мы сейчас на горе слышали, а?

— Сейчас? — переспрашивает отец и почему-то с опаской поглядывает на безоблачное небо.— Выходит, скоро дождь будет. Раз «фюр-фюр» по тайге покатилось, значит, жди непогоды. Это вы бурундука слышали. К вёдру он вот так свистит: «Цирк, цирк». Циркает, словом. А «фюр-фюр» у него всегда к непогоде.

Как предсказывает отец, так и получается: часа через два небо заволакивает чёрная туча и начинается гроза.

— Бурундук — ходячий барометр,— говорит отец.— Запомните это, в жизни о-очень может пригодиться.

Мальчишкам долго растолковывать не надо. Они уже сами не раз убеждались, что знать побольше звериных да птичьих повадок — дело очень нужное и важное, оно порой даже от беды спасает. Особенно в лесу. Там, если ты, например, заблудился, не спросишь, как тебе к дому выйти: не у кого. И приходится обращаться за помощью к зверью да птахам. А как это случается, о том и рассказ наш.

Растёт в тайге такой дикий лук — черемша, горькая, но очень полезная трава, от цинги спасает. Так вот за этой самой черемшой и отправились как-то раз Петька с Коськой на Лыково угорье, их туда отец послал. Выводя ребят со дво-

ра на знакомую им тропинку, он строго-настрого наказал:

— С тропы не сбейтесь — заплутаете!

— Не заплутаем: уж сколько раз хаживали! — бодро ответили сыновья и бегом пустились по тропке.

До Лыкова угорья километра полтора. Места вокруг знакомые, братья в прошлые годы много раз здесь бывали: то чернику собирали, то грибы... А нынче по весне дуплянки развешивали да кротовины — кротиные кучки — считали: отец просил. И по черемшу они через эти места не первый раз бегают. Так что заблудиться по дороге на Лыково угорье никак нельзя, даже стыдно: уж очень хорошо они этот край знают.

Так рассудили Петька да Коська и забыли про наказ отца. По пути раз пять подрались и ровно столько же помирились, потому что очень дружные были ребята, подолгу ссориться не могли. А пока дрались да мирились — и с тропинки сбились, потеряли её.

Остановились посреди леса и чешут затылки: куда идти дальше? Петька говорит, надо шагать влево, а Коська тянет вправо. Заспорили, да так, что чуть опять не подрались. Но скоро опомнились: не время им теперь ссориться. И поступили так: не пошли ни влево, ни вправо, а пошли прямо.

Идут они час, другой, третий... А тропинки нет и нет. И Лыкова угорья тоже нигде не видно. Лес вокруг какой-то незнакомый, хмурый и подозрительный. Страшно стало братьям. Озираются они по сторонам и друг к другу жмутся.

— Где же это мы? — шепчет Петька.

— Вот и я думаю: где это мы? — отвечает Коська.

Бродят по тайге ребята, гадают, ищут какие-

нибудь следы человеческие, а их нет нигде, целина таёжная вокруг.

Набрели на родничок, напились ледяной воды и сели пообедать да отдохнуть. Петька вынул из рюкзака хлеб, яйца варёные и соль зернистую. Едят, а сами всё на лес да на солнце поглядывают.

— Дело к вечеру,— замечает Петька.

— Да, к вечеру,— соглашается Коська.— Как бы нам не заночевать в тайге.

— Заночевать не боязно,— говорит Петька.— Дома перепугаются — вот что страшно. Надо както выбираться отсюда. Давай-ка думать.

И принялись братья гадать, как им дорогу к дому найти. Определили по солнышку, где запад и восток, юг и север. Этому их отец когда-то научил. Но определить-то определили, а в какой стороне дом их, всё равно понять не могут. А солнце тем временем ещё ниже опустилось.

— Фу-ты, ну-ты, вот так дела...— сказали братья и побрели тайгой, сами не зная куда.

Неожиданно деревья перед ними расступились, и ребята оказались на краю таёжного болота. Было оно страшное, всё в чёрных бочажинах. За болотом белела стена хилого, полумёртвого березняка.



Никогда ещё мальчишки не встречали такого гиблого места, и им стало не по себе.

«Да куда же это нас занесло?» — ужаснулись они.

Первым заголосил Петька, за ним Коська. Ревут на всю тайгу, папу с мамой зовут. Но молчит тайга, не подаёт никакого отклика. Братья ещё громче плачут. А толку от этого всё столько же: никто их не слышит, никто к ним не подходит...

Видят братья, рёвом делу не поможешь, только горло надсадишь. И приутихли. А как приутихли, так сразу и страх прошёл, а потом им вдруг сделалось стыдно. Да и как тут не застыдиться! Ведь они же таёжники, «лесные человечки», как прозвал их отец: в тайге родились, в тайге и выросли. Тайга для них родная тётка — под любой кустик отдохнуть пустит, листвой укроет, росой напоит и всегда поесть даст. Не раз такое случалось. А нынче на́ тебе — заблудились и растерялись, даже расплакались. Отец узнает — засмеёт. Позор будет лесным человечкам, да и только!

— Хватит нюнить! — сказал себе и брату Петька.— Ишь разревелись! Это ты всё затеял!

— Почему это я? — удивился Коська.— Первым как раз ты завыл, а не я.

— Нет, ты!

— Нет, не *я*, а ты!..

Неизвестно, сколько бы времени так пререкались «лесные человечки», если бы вдруг Петька не заметил неподалёку жёлтенькую пташку. Пташка сидела на кусте боярышника. В клюве у неё был зажат пучок волос из конского хвоста.

— Овсянка! — взволнованно прошептал Петька, и заплаканное лицо его враз посветлело.

— Овсянка,— согласился Коська.— Ну и что?



— А то: замри и следи за ней в оба! Понял?

Коська ничего не понял, но брата послушался — затих, впившись глазами в птичку.

Овсянка посидела ещё немного, а потом юркнула в куст и пропала.

Коська вопросительно уставился на брата. Тот не спускал глаз с куста — видно, ждал возвращения птички.

Овсянка вынырнула из куста боярышника минуты через три и села на ветку черёмухи. Конских волос в клюве у неё не было.

«Гнездо в кусте вьёт»,— смекнул Коська.

Овсянка покачивалась на черёмухе, сторожко поглядывая то на замерших ребят, то в небо, где в любой момент мог объявиться сыч или какой-нибудь другой враг овсянки.

— Не упускай её из виду! — прошептал Петька.

Овсянка сорвалась с черёмухи, пролетела над болотом и скрылась за чахлым березняком.

— Видел, куда упорхала? — спросил Петька.

— Ага. Вон туда. А что?

— «Что, что»! — передразнил Петька и, явно подражая отцу, упрекнул: — Скоро уж в школу пойдёшь, а соображения у тебя меньше, чем у нашего кота Ивашки... Айда в ту сторону, куда овсянка подалась!

Не добавив больше ни слова, Петька спешно зашагал по осоке. Коська нерешительно двинулся следом за ним.

Вскоре братья обогнули болото и пошли по хилому березняку, за которым недавно скрылась овсянка.

— Петь, куда мы идём? — спросил Коська.

— Домой, — загадочно ответил старший брат.— По черемшу на Лыково угорье идти уже поздно: скоро стемнеет. А домой...

— Домой-то домой, но...— хотел было возразить Коська и вдруг осекся, неожиданно увидев прямо перед собой знакомую тропинку, избитую конскими копытами.

— Вот и вышли! — промолвил Петька.— Спасибо овсянке, а то бы плутали до сих пор.

— Овсянке спасибо? — подивился Коська.— А при чём тут эта овсянка-желтянка?

— Ну какой ты лесной человек, если такого пустяка понять не можешь! — возмутился Петька.— Тут даже наш глупый кот Ивашка и тот поймёт, что к чему. Овсянка же нас на тропу-то вывела! Понимаешь?

— Нет.

— Ну и недотёпа же ты!

— А ты перетёпа!

Слово за слово — поругались, даже чуть снова не подрались, да вовремя сообразили, что опять могут заблудиться, и поостыли, образумились. К тому же они были дружные ребята, друг от друга никаких секретов не держали. И потому Петька вскоре охотно поделился с братом тем, как овсянка помогла ему найти дорогу. А рассказывал он про это так: задавал вопрос и сам же на него отвечал.

— Где, по-твоему, живёт овсянка? Всегда близ людей. Так? Так. А чем она занята была, когда мы её увидели? Гнездо из конского волоса вила. А где она берёт этот волос, а? Да там, где

его роняют кони, на тропе то есть, возле людей. Вот я и пошёл туда, куда она полетела за новым волоском. И очутился с тобой... где? На тропе, которая к людям ведёт. Вот и всё!

Выслушав брата, Коська поинтересовался:

— Это тебе папка про овсянку рассказал?

— Нет, сам разузнал. Но, правда, и не без папки. Ведь это он всё время говорит нам, чтобы к зверью да птахам приглядывались. В жизни, говорит, это очень может пригодиться. Помнишь? Вот я и приглядываюсь.

— Я тоже приглядываюсь, а такого, как ты, ничего пока не подметил,— честно признавался Коська.

— Ещё подметишь,— заверил Петька братишку.— Не съешь и ведра соли, как подметишь.

«Лесные человечки» посидели на стволе поваленного бурей дерева, отдохнули и затем двинулись по тропинке в сторону своего дома.





ПАШКИН СЕКРЕТ

У бабки Агафьи завелись в кладовке мыши. Свили гнездо где-то под полом и принялись разбойничать. То в кадушку с пшеном заберутся, то берестяной туесок с сушёной малиной прогрызут, то ящик с кедровыми орехами продырявят. Зубастые: уж на что крепок дубовый сундук, обитый медными полосками, но и его просверлили. Забрались внутрь и поисточили там овчинный полушубок, старые валенки и плюшевую куртку.

— Вот серая напасть-то! — возмутилась бабка, разглядывая своё испорченное богатство.— Надо нынче же найти на них управу, а то они вскорости весь мой дом порешат. Напущу-ка я на них кота.

Своей кошки у старушки не было. И она пошла к соседям. Те дали ей на время большущего чёрного кота Прохора. Вернувшись домой, старушка покормила его, приласкала и посадила в кладовку, наказав нежным голосом:

— Припугни их, родименький.

И закрыла за котом дверь.

«Ну, держитесь теперь, серые супостаты! — думала она.— Прошка вам задаст жару!..»

Но из этой затеи ничего не получилось. «Родименький» Прохор оказался редчайшим лентяем. Сперва с утра до вечера спит, а потом — с вечера до утра. Мыши вокруг него бегают, усы ему пощекотывают, в уши попискивают, а он даже глаз не приоткроет — дрыхнет себе на здоровье, да и только. Бабка его уж и стыдила, и ругала, а ему хоть бы что: поест, молочка полакает и опять в сладкий сон погружается. А мыши и рады — грызут всё, что попадёт на зубы, лишь только самого кота не трогают.

Старушке всё это в конце концов надоело, и она турнула лежебоку из кладовки веником, крикнув ему сердито:

— Вон отсюда, нахлебник!

Кот убежал к себе домой.

Бабка пригорюнилась. А затем отправилась по людям — совета да помощи у них искать. Колхозный кузнец Лапин смастерил ей пару капканов, а ветеринар Илья Еремеев дал мышиного яда.

Но ни ловушки, ни отрава не помогли. Мыши оказались на редкость хитрыми и осторожными — ни на какую приманку не пошли и продолжали бойко делать своё разбойное дело.

— Беда...— совсем закручинилась старушка.— Заедят они меня. Как быть? Как?..

Беда одна не ходит — бедёнку за собой водит. Так в народе говорят. Сперва бабку Агафью только мыши обижали, а нынче вдруг ещё горя прибавилось: какие-то босоногие мальчишки повадились в её огороде репу воровать да грядки топтать. Старушке вовсе худо стало.

Сидит однажды бабка Агафья на завалинке под окошком, горюет. А тут как раз мимо Пашка Букашкин идёт, по прозвищу Травоед. Такую кличку ему дали деревенские ребята. Дали за то,

что Пашка хорошо знает разные травы. Вообще-то его взрослые травоведом зовут, то есть знатоком всяких трав. Но мальчишкам это слово мало понятно, и они произносят его по-своему — «травоед». Но Пашка на ребят не обижается. Он и в самом деле может съесть такую травинку, о какой никогда и не подумаешь, что она съедобная. А научил Пашку разбираться в травах знакомый лесник Флегонт Ухов. С Уховым парнишка дружит уже третий год и за это время узнал от него очень много интересного о лесе, зверье и птицах, а ещё больше — о травах.

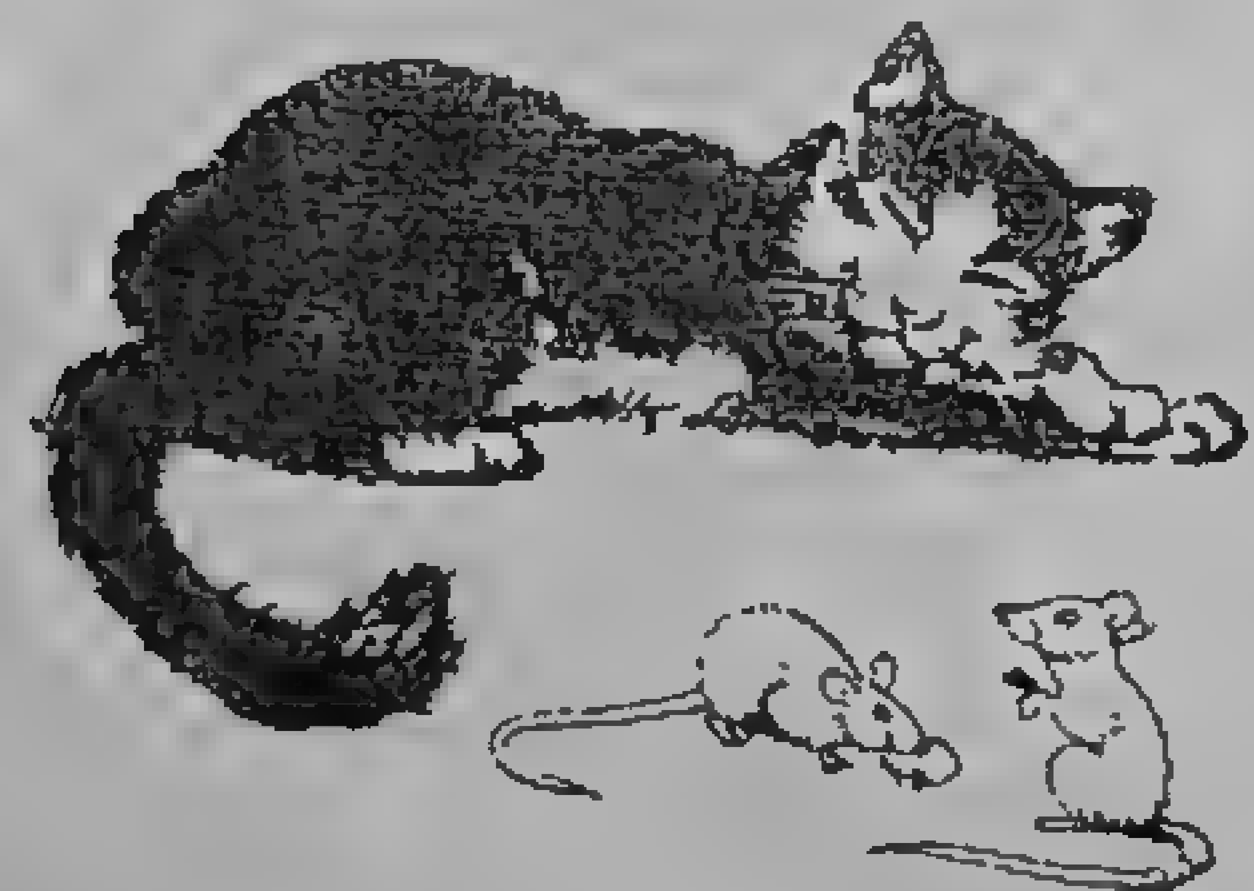
Подошёл Пашка к старушке, поздоровался и спрашивает:

— Бабушка, чего это вы — будто плакать хотите? Обидел вас кто-нибудь?

— Обидели, милок. Обидели, внучек.

И она рассказала Пашке о «серой напасти» и о неизвестных мальчишках-воришках. Жалуясь, старушка совсем и не думала получить от него какой-нибудь совет или помощь. Просто делилась горем, и только. А Пашка выслушал её да вдруг и заявил:

— Не горюйте, бабушка. Я вам помогу. Сегодня же вечером в вашей кладовке ни одной мышки не останется!



— Да ну? Как это?

— Секрет! — Пашка хитро блеснул глазами.

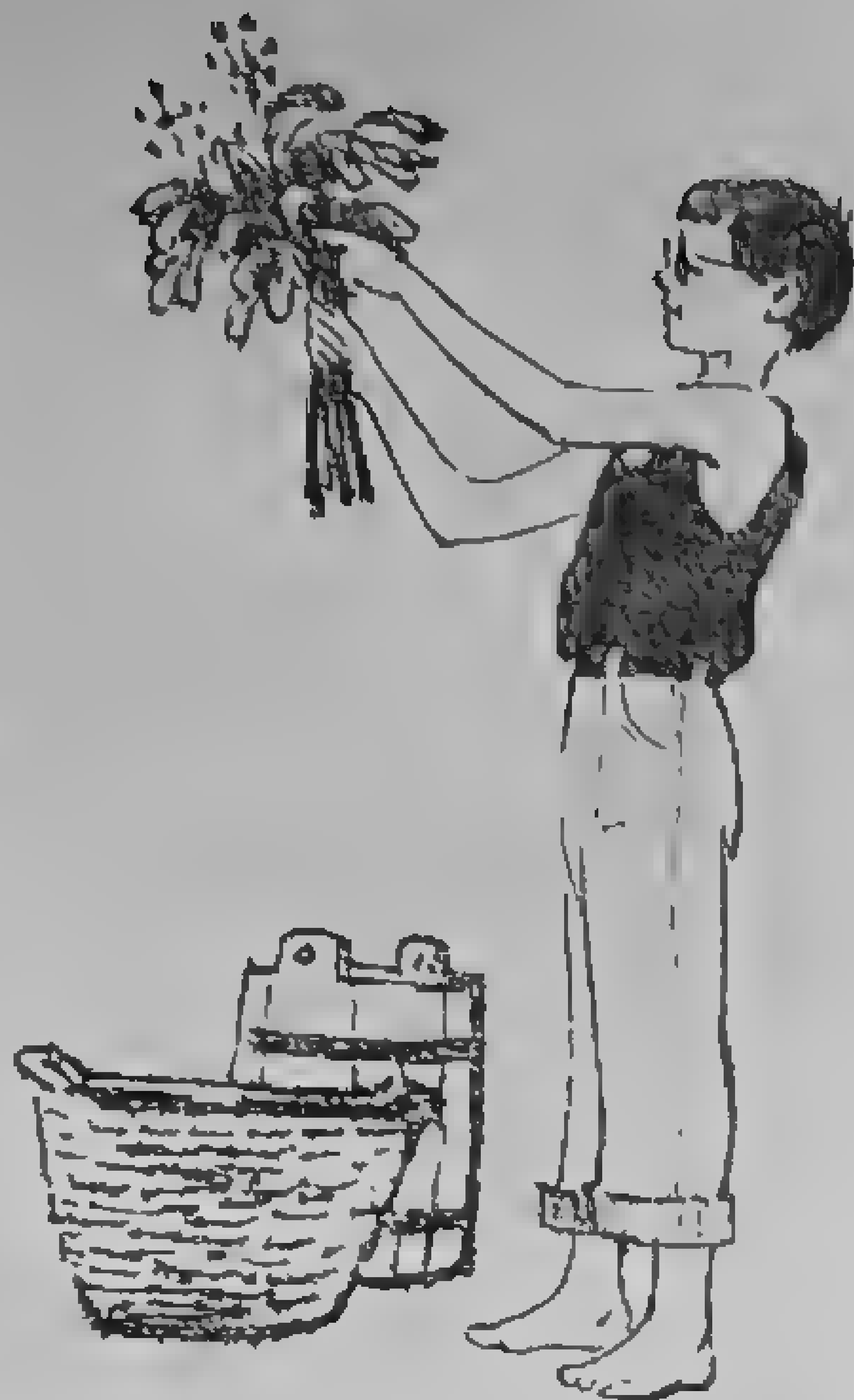
— Шутишь, поди? — не поверила старушка.

— А зачем мне шутить?

— Вот уж и не знаю.

— А я и вовсе не знаю.

Поговорили они так и распрощались. Пашка убежал куда-то, а бабка осталась сидеть на заваленке, веря и не веря словам мальчишки. Да и как ей было не сомневаться: если кузнец с ветеринаром не сумели одолеть «серую напасть», то как же может справиться с ними десятилетний Пашка?



«Насмехается он надо мной, да и только»,— решила старушка и перестала думать о Травоеде.

Но не прошло и часа как Травоед вновь напомнил о себе, появившись с огромной охапкой зелёной травы.

— А вот и опять я,— сказал он.— Покажите-ка мне, где ваши мышки водятся.

Ничего не понимая, старушка повела Пашку в кладовку. Там стоял вечный полумрак и сильно пахло мышами.

— Нынче вон что наделали...— Старушка с печальным вздохом показала Пашке изгрызенный старый сапог.

— Больше не будут,— убеждённо сказал Пашка и принялся разбрасывать свою траву по кладовке.

— Паша! — ахнула старушка.— Ты чего это у меня сорить-то надумал?

— Мышей вывожу,— невозмутимо ответил он, продолжая деловито рассыпать траву между ящиков, кадушек, бутылей и корзин.

Бабка Агафья, боясь какого-нибудь подвоха, искала в глазах мальчишки насмешку, но Травоед был серьёзен. Положив последний пучок травы под туесок, он довольно промолвил:

— Всё, не жить здесь больше мышам!

Сказал и убежал.

Не очень веря Пашке, старушка вначале хотела выкинуть его траву из кладовки, но потом раздумала: а вдруг Травоед не шутит? Раздумала и правильно сделала: мышей в тот же вечер словно ветром повымело. То, бывало, они целыми ночами скребутся, грызут, пищат, спать старушке не дают, а тут взяли и в один час будто повымерли!

— Вот чудеса-то! — удивилась старушка.— Да неужто и впрямь удрали, и навсегда?

Чтобы убедиться в этом, бабка на следующую ночь положила в кладовке на пол кусок хлеба, а утром пришла на него поглядеть. Хлеб был цел.

— Ну и ну-у...— произнесла бабка Агафья.— Вот так Паша-секретник! И что же за трава у него такая?

Старушка принялась разглядывать траву, но ничего в ней особенного не обнаружила. Вот только листья на собачьи языки похожи да дух недобрый — мышами пахнет, когда её на ладони разотрёшь.

— Пашенька! — увидев как-то на улице Травоеда, бросилась к нему старушка.— Вот спасибо-то тебе, милок! Избавил ты меня от серой напасти! Да только я в толк не возьму, что это за трава у тебя такая. С наговором, что ли?

— Да что вы, бабушка! — запротестовал Пашка.— Какой наговор! Это самая простая трава — чернокорень. Мыши запаха её боятся. Как учуют, так сразу и разбегаются. Лесник Ухов всегда

этой травой из избы мышей выгоняет. И меня научил, вот!

— Вон что, оказывается...— поняла старушка и призналась: — А про наговор я так, пошутила...

Она умолкла и призадумалась.

— Слышь-ка, Паша,— вдруг что-то вспомнив, осторожно обратилась бабка к Травоеду,— а ты такой травы не знаешь, которой бы можно было воришек от моей репы отвадить?

Пашка подумал и ответил:

— Знаю, есть такая. Очень хорошая трава!

— Так покажи мне её! — обрадовалась бабка.

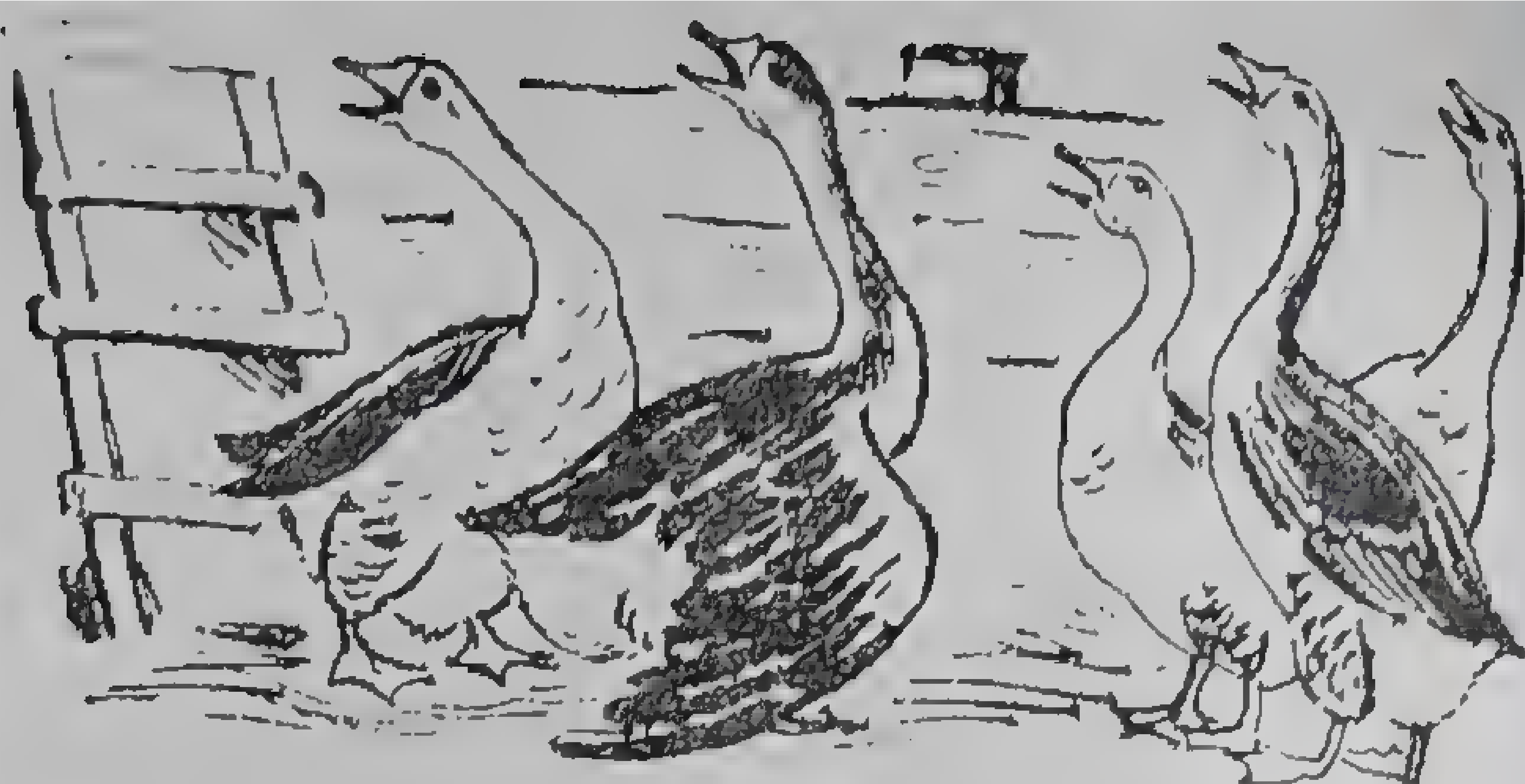
— А вот она, рядом.— Пашка осторожно вырвал из-под забора высокое растение.— Держите.

— Крапива?!

— Она самая. От воров — лучше не надо!

Бабка Агафья и маленький травовед дружно рассмеялись.





ГУСИ-ВЕСТНИКИ

Один мой приятель, художник, рассказывал:

— Прошлой осенью гостил я у знакомого лесника, Ефима. Двор его стоял в лесу на берегу озера. В озере том с утра до вечера плескались домашние гуси. На ночь хозяин загонял их в сарай, на чердаке которого я спал в сене.

Как-то, находившись по лесу с мольбертом, я забрался поздним вечером на сеновал и сразу же уснул. Но не проспал я, кажется, и трёх часов, как неожиданно пробудился от странных звуков. Они неслись из сарая и были до того печальные и грустные, что мне стало не по себе. Я резко вскочил с постели, сильно зашуршав сеном. Прислушался. Звуки пропали.

«Почудилось, что ли?» — подумал я и хотел опять улечься, как вдруг снова услыхал те же самые звуки, тревожные и тоскливые. Казалось, в сарае находился кто-то очень больной и звал на помощь.

Я осторожно отыскал в темноте лестницу, ведущую внутрь сарая, и стал по ней тихонечко спускаться. Звуки продолжались. Но вот под моей ногой тихо скрипнула ступенька, и звуки вмиг оборвались.

Став на пол, я зажёг спичку и осветил сарай. Свет вырвал из темноты фигуры гусей. Птицы не спали. Вытянув кверху шеи и задрав головы, они сгрудились в углу и к чему-то тревожно прислушивались. На меня они не обращали никакого внимания. Вероятно, что-то более важное беспокоило их в эту минуту. В том, что странные звуки принадлежали им, я не сомневался, потому что в сарае, кроме гусей, никого не было. Но что заставило их так кричать, а вернее — плакать? Или, может быть, не что, а кто? Я осмотрел все углы и щели в сарае, но никого не обнаружил. Может быть, к сараю подходила лиса, этот извечный враг гусей? Тоже не совсем правдоподобно: осенью, когда в тайге полно разного зверья, лиса к человеческому жилью вряд ли пойдёт...

Утром я подробно рассказал о ночном происшествии Ефиму. Тот многозначительно прищурился:

— Та-ак, плачут, говоришь. И тоскливо плачут... Ясно. Начинается!

— Что начинается? — не понял я.

Он пристально посмотрел на меня.

— Э-э, брат, да ты и впрямь, однако, ничего не понимаешь. Тогда вот что. Не поспи-ка ты сегодня ночку и всё поймёшь. Только слушай лучше!

Он улыбнулся и больше не добавил ни слова.

С большим нетерпением дождался я начала следующей ночи. Наскоро поужинав, влез на сеновал, улёгся под тулуп и стал ждать разгадки ночной

тайны, прислушиваясь ко всем звукам, доносящимся снаружи.

На воле шла обычная ночная жизнь. Вот на озере плеснула крупная рыба, где-то далеко-далеко на болоте захохотал филин. С кедра, дробно простучав по сучьям, упала шишка. Потом всё разом смолкло.

Чтобы не заснуть, я принялся сквозь щель в крыше глядеть на звёзды. Глядел долго — до тех пор, пока из-за горизонта не показалось созвездие Южной Рыбы. По нему я определил, что уже поздно: Южная Рыба появляется на небе в четвёртом часу. «Пожалуй, ничего мне сегодня не дождаться»,— подумал я и стал не спеша укладываться спать.

И тут вдруг до моего слуха донеслись с неба крики диких перелётных гусей. И тотчас в сарае послышался сперва шум, а потом раздались вчерашние, до жути тоскливые звуки.

Я поспешно, но бесшумно спустился в сарай и включил карманный фонарик.

Гуси, перестав кричать, сгрудились, как и в прошлую ночь, в углу, смотрели в потолок и тревожно к чему-то прислушивались. Я понял: они ловят крики своих сородичей.

— Ну что, догадался? — неожиданно появился в сарае Ефим с биноклем на груди и котомкой за плечами.

— Вроде бы,— ответил я.— Слышат диких гусей и беспокоятся, только почему?

— Чудак человек,— засмеялся Ефим.— Ведь домашние гуси когда-то тоже в небе летали.

— Странно. А почему же в деревнях гуси не плачут? Ведь дикие гуси и над деревнями пролетают.

— Оно так. Только мои-то гуси особые — здесь

родились и выросли. По весне на озере с дикими встречаются, дружат с ними. Ну, те и научили их тоске по небу, по воле. Как наступает перелёт — плачут. Только я в их плаче другое слышу: «Лесник, будь начеку, береги наших братьев: охота начинается!»

Ефим помолчал, потом заторопился:

— Ну, я на озеро побегу, браконьеров выслеживать. Спасибо вам, гуси-вестники! — крикнул он птицам, вышел из сарая и скрылся в предрассветной мгле.





МИШКА-БАМОВЕЦ

Это было на далёком БАМе. Люди строили железную дорогу в таёжной глухомани и случайно наткнулись на берлогу. Её хозяйка, молодая медведица, испугалась и убежала. Строители заглянули в звериное жильё и обнаружили там медвежонка. Был он маленький — чуть побольше лохматой шапки дяди Васи, пожилого тракториста.

Сперва строители хотели отпустить его к матери. Но та от шума да грохота тракторов и других машин удрала так далеко, что крохотному медвежонку её ни за что было не разыскать. А одному мишке в тайге не прожить: в ту пору на земле ещё лежал апрельский снег и есть пока было нечего.

И тогда дядя Вася предложил строителям:

— Давайте усыновим этого мишку, станем ему вместо матери, а то пропадёт парнишка.

Так и сделали. Принесли мишку в барак и поместили в комнате у дяди Васи. Пока строители бегали кто за шоколадом, а кто за мёдом, дядя Вася расстелил в углу старый ватник и усадил на него мохнатого приёмыша. Подумал немного и дал зверёнку кличку «Парамон».

— Живи, Парамоша, не тужи, сиротой у нас не останешься,— погладил он медвежонка и налил ему в миску молока.

Парамон сперва всего боялся, капризничал и не ел. Но вскоре голод победил страх, и медвежонок вылакал молоко. А тут и строители подоспели со своим угощением да всякими добрыми ласками. Мишке и вовсе сытно и хорошо сделалось. Наелся он и спать захотел. Но на ватнике почему-то укладываться не стал, а выбрал за печкой тёмный закуток, где у тракториста хранились гаечные ключи, отвёртки, напильники и другие инструменты, да и заснул на них.

— А зверь-то к инструменту приноравливается — тоже, видать, трактористом хочет быть,— весело рассмеялись строители, заметив, что Парамон обнимает во сне передними лапами черенок небольшой железной кувалды.

С того дня так и повелось: поест Парамон на ватнике, а спать в закуток на железо идёт. Но не только ел да спал мишка. Он и играл много. А игрушками у него были всё те же инструменты дяди Васи. Повытащит их из-за печки, разложит на полу и давай по ним кувалдой лязгать. И так с утра до вечера. Кузнец, да и только!

Потом мишке когти поточить захотелось. В лесу все медведи когти точат о стволы деревьев. Однако в комнате у дяди Васи откуда дереву быть! И принялся тогда мишка печку царапать — всю побелку со штукатуркой попортил, пока дядя Вася на ра-

боте был. Пришлось трактористу для своего когтистого пасынка неошкуренное бревно в комнату принести и в угол поставить. Уж то-то забавы да радости было мохнатому парнишке! Всю кору с бревна содрал и так отполировал его брюхом да лапами, что оно будто лаком покрылось.

Так пролетело два месяца. За это время мишка подрос, растолстел и сделался таким бойким да проворным, что даже задираться стал. Вернётся дядя Вася с работы, а он к нему идёт на задних лапах: давай, дескать, поборемся. Схватятся они и начнут кружиться по комнате, словно друзья после долгой разлуки. Оба пыхтят, кряхтят — повалить один другого пытаются. Вернее, повалить только мишка хочет, а дядя Вася лишь вид делает, потому что медведя, оказывается, нельзя на лопатки класть: он тогда злиться начинает, кусается и ревёт как блажной. Наконец дядя Вася повалится, ляжет на спину и замрёт. А мишка станет ему передними лапами на грудь и доволен — победитель!..

После одной из таких схваток дядя Вася сказал мохнатому борцу:



— А не пора ли тебе, косолапый, делом каким-нибудь заняться? А то негоже это — только есть, спать, бревно чесать да со мной барахтаться. Как ты думаешь?

Парамон, конечно, никак не думал: он этого просто не умел. Но воркотню хозяина слушал, а тот добродушно продолжал:



— Ведь каждый, кто ест, обязан работать. Правда, ты возразишь: я, мол, зверь — какой из меня работник. Ничего, конь тоже не человек, а работает. И ты сумеешь. Конечно, ты ещё маловат, чтобы самостоятельно трудиться. Но взрослому помогать уже вполне можешь. А потому определю-ка я тебя, Парамоша, к себе в подручные. Будешь со мной на работу ездить.

На следующий день дядя Вася перевёл мишку из барака в гараж. Туда же и бревно перетащил. Только на новом месте оно не потребовалось. В гараже и без него нашлось множество интересных и забавных для мишки вещей.

Очень понравилось ему, например, возиться с пустой железной бочкой. Вкатит он её на какое-нибудь возвышение и отпустит. Бочка разгонится и как трахнется боком о трактор или самосвал! От грома да гула аж весь гараж вздрогнет. А топтыжка и рад-радёхонек — довольно порявкивает, пофыркивает да приплясывает, будто сказать хочет: «Ух и силён же я — какой тарарам устроил!»

Пришлась лохматому силачу по нутру и ещё одна забава. В гараже висел на проволоке обрубок рельса. Он заменял колокол. На звон его часто сбегались люди. Вместе с ними охотно спешил и Парамон: на людском собрании его обязательно кто-нибудь угощал сладостями. Однажды колокол долго молчал: видимо, не было нужды его тревожить. И вдруг как-то люди слышат: звонят. И зво-

нят очень требовательно. Что такое? В чём дело? Кинулись на звон со всех ног, думая, что их на пожар или на какое-нибудь особое собрание зовут. Прибегают и глазам своим не верят: мишка стоит у рельса и дубасит его железиной. Ну точь-в-точь как человек! Когда все собрались, медвежонок бросил железину и пошёл на задних лапах по толпе, прося угощения. Вот же какой! И откуда только ум взялся? Угостили его, конечно. С того раза и началась потеха: как только топтыжке захочется сладкого, он тотчас принимается бить в набат.

Но, как говорится, потехе час, а делу время. Почти ежедневно дядя Вася, как и обещал, брал Парамона с собой на работу. Они ездили оба в кабине гусеничного трактора, таскавшего за собой огромный прицеп. В прицепе том всегда лежали то доски, то мешки с цементом, то мелкая галька. Их дядя Вася доставлял строителям, делавшим мост через таёжную речку.

Езда на тракторе крепко приглянулась косолапому зверёнышу. Когда он оказывался в кабине, то прямо-таки шалел от удовольствия. Обычно звери от гула машин, запахов железа и горючего сильно устают, делаются вялыми и капризничают. Парамон же, слушая грохот трактора и вдыхая едкую гарь солярки, почему-то, наоборот, становился весёлым, бойким и даже озорным. Он восторженно порыкивал, возбуждённо пританцовывал, обнимал дядю Васю. А ещё топтыжке очень полюбилось хвататься за рычаги и педали. Вцепится он в какой-нибудь рычаг, рванёт его, а трактор вдруг замедлит ход или дёрнется в сторону.

— Э! Э! — кричит ему дядя Вася.— В канаву свалимся! Полегче, дружок! Рычаги да педали — это тебе не корни сосновые, чтобы рвать их. И вообще трактор — это не коряга. Понял?

Зверь, конечно, не понимает, но от окрика на минутку усмиряется. А потом опять начинает озорничать — то по ведру треснет, то примется из-под дяди Васи сиденье вытаскивать.

— Топтыгин! Мишка! Ну как тебе не стыдно? — усовещивает дядя Вася.— Ты же не в берлоге, а в кабине трактора. Да, поди, умные-то зверята и в берлоге себя так не ведут. Слышишь?

Озорник, будто бы поняв дядю Васю, наконец угомонится, встанет на задние лапы у окна и примется жадно глядеть по сторонам. Увидит экскаватор — и рыкнет изумлённо, как бы говоря: «Это ещё что там за громада такая — пасть шире берлоги и каждый зуб по кирпичу?» А то иной раз заметит автофургон со словом «Хлеб» на борту и аж запрыгает на месте: до того ему нравится эта машина! А нравится она потому, что шофёр Максим, который водит её, завидев мишку, всегда угощает его свежей булкой.

Так едут они, зверь и человек, по таёжной дороге час-полтора и, наконец, приезжают к речке, где мост строится. А тут их рабочие встречают. Интересуются у тракториста:

— Ну как Парамон твой — помогает тебе?

— Ещё бы! — смеётся дядя Вася.— Такой услужливый парнишка, что дальше некуда. Нынче, например, так старался помочь мне вести трактор, что мы чуть-чуть в канаву не угодили.

Однако смех смехом, а как-то с одного памятного раза косолапый проказник и на самом деле стал помогать трактористу. А началось это с забавного случая. Однажды ехали друзья на тракторе и увидели на обочине дороги самосвал. Возле него стоял знакомый им обоим шофёр и копался в моторе. Дядя Вася затормозил трактор и прокричал из окна кабины:

— Эй, Юрий! Помощь тебе не требуется?

— Мне бы молоток на минутку,— отозвался парень.

Дядя Вася вынул из-под сиденья лёгкую кувалду и выпрыгнул с нею из кабины. Мишка, как всегда, увязался за ним: он не любил в поездках оставаться без хозяина даже на миг. Юрий взял кувалду, постучал ею обо что-то в моторе и положил подле своих шофёрских инструментов, разложенных на крыле самосвала.

— Всё, починил! — сказал он и предложил дяде Васе покурить с ним минутку-другую.

Пока люди дымили сигаретами да болтали о разных разностях, Парамон всё принюхивался к Юриным инструментам и дяди Васиной кувалде. Вдруг невдалеке остановился и засигналил грузовик, прося трактор уступить ему дорогу. Дядя Вася живо бросил окурок, крикнул косолапому: «Поехали, Парамон!» — и вскочил в кабину. Обычно медвежонок исполнял эту команду мгновенно и оказывался на тракторе всегда раньше хозяина. Сейчас зверёныш почему-то замешкался. Дядя Вася в недоумении обернулся назад, поискал его глазами и вдруг даже рот раскрыл от изумления.

Мишка стоял дыбком перед гусеницей трактора и прижимал передними лапами к животу забытую впопыхах дядей Васей... кувалду!

— Ну и чудеса! — поразился тракторист.

Он ступил на гусеницу, нагнулся, освободил топтыжке лапы от кувалды, и тот в два прыжка очутился в кабине. Дивясь случившемуся, к дяде Васе подбежали Юрий и водитель грузовика, и оба восхищённо заговорили:

— Ну и ну! Здорово же ты его надрессировал!

— Надрессировал? Что вы! — возразил тракторист.— Парамон сам додумался. Видать, привык



сызмальства видеть эту кувалду всегда с нами, вот и решил, что оставлять её — явный непорядок. Конечно, это я так считаю. А что у самого мишки на умишке — про то не скажу, потому как не знаю.

— Вот так миша! Умён, чертёнок! — дивились шофёры, а потом шутя предложили: — Раз топтыгин любит инструменты и трактор, обучи-ка ты его, дядя Вася, своему ремеслу.

Конечно, выучить медведя на тракториста нельзя. И дядя Вася не стал этого делать. А вот помощника из мишки ему удалось воспитать. И неплохого. К началу зимы косолапый уже научился подавать трактористу разные инструменты и подносить тяжести. Правда, делал он всё не так умело и споро, как хотелось бы, зато всегда с усердием. Например, тащит он ведро с водой от речки к трактору, где его дядя Вася с кусочком сахара ждёт. Долго тащит — аж успеет по дороге всю воду расплескать. Однако ведра из лап ни за что не выпустит, потому как упорный и добросовестный, зря сахар есть не хочет. Строители, видя такое усердие топтыжки, в голос восклицают:

— А мишка-то наш — трудяга!

— Бамовец!

Крепко полюбился рабочим людям медведь-трудолюб, а дядя Вася в нём просто души не чаял. И не только за то, что Парамон помогал ему в работе. Зверь однажды спас трактористу жизнь. Да-да! Летом ещё дело было. Как-то в полдень искупался дядя Вася в речке, мишку заодно выкупал и лёг на горячие камни позагорать. Лёг да и незаметно задремал.

— Сплю я, — рассказывал он потом, — и вдруг чую: Парамон меня тихонечко тормошит — носом в щёку тычет и лапой в плечо толкает. Поднял я голову и обмер: в двух вершках от моего лица

змея шипит. Шарахнулся я от неё назад, а она вроде бы за мной хотела. Но тут Парамон как хватит её лапой, да так сильно, что гадючина шагов на семь в сторону отлетела и в воду плюхнулась. Обнял я тут своего Парамошу и... аж заплакал.

Вот какой славный друг вышел из того самого крохотного медвежонка, которого строители нашли в апреле прошлого года. Где же он сейчас? — спросите вы. Да всё там же, в Сибири, на стройке БАМа. Помогает дяде Васе и другим взрослым. И про него все в один голос говорят, что он крепко работящий и очень серьёзный парнишка. Словом, бамовец!





ОШИБКА ЯСТРЕБА

— Прошлым летом, — рассказывал рыбак Иван Касьянович, — брёл я по берегу Белого Июса — с рыбалки возвращался. Рыбы наловил много — одних только хариусов пуда полтора в котомку положил, а там ещё налимы были, да линьки, да мелочь разная. В общем, весь-то улов наверняка этак пуда два у меня весил, не меньше.

Тяжело мне было с таким грузом: лямки у мешка тонкие, плечи режут, а тут ещё день, как назло, жаркий выдался, — сверху печёт, снизу парит, и ветерка никакого. Измучился крепко я и решил искупаться.

А вода в Июсе холодная, горная. И течение шальное — быка с ног свалит. Купаться можно только в заводях. Там дурной быстрины нет и обычно вода потеплее: успевает на солнце прогреться. Хорошая вода, прозрачная, будто хрусталь живой! На дне камешки, все листики пересчитать можно. Славная водица — не хочешь, да искупаешься! Но беда — заводей таких на Июсе

маловато: я, пожалуй, часа два шагал, пока наконец добрался до одной.

Отличная заводь: берег пологий и глубина — нырять можно. На дне ни коряг, ни камней острых, одна только галька мелкая.

Ну, сел я на траву под кустик, котомку с плеч сбросил, стал разуваться. И тут меня такая усталость взяла, что повалился я наземь и мигом уснул, даже сапог один не успел снять.

Много ли, мало ли спал, не знаю. Только когда проснулся, солнце уже в самый зенит вошло. Протёр я глаза, потянулся сладко и вдруг слышу, будто на реке кто-то булькает.

Приподнялся, обвёл взглядом заводь и вижу: морда чья-то из воды торчит. Присмотрелся — выдра! Морда у неё плоская, усатая.

Замер я, затаился: любопытно стало, что она тут делает. А она ушла вглубь, погуляла там, как рыбина, и снова всплыла и морду опять высунула. Лапы у неё короткие, с перепонками, а хвост длинный и толстый, как полено. Сама тугая вся, гибкая, и шерсть на лбу лоснится.

Постояла она, подержалась на месте — и вдруг прыг из воды прямо на камень! Камень тот широченный, гладкий и боками покатый. Она забралась на его вершину, огляделась по сторонам да как сиганёт по нему на брюхе — и в воду головой бульк!.. Совсем как мальчишка с ледяной горки!

Я даже рассмеялся.

А она опять, гляжу, на камень залезла и снова тот же фортель выкинула. Так раз пять повторила и застыла в воде, будто засмотрелась на что-то. Рыбу, что ли, думаю, выслеживает? Лапками чуть-чуть шевелит, хвостом слегка поводит, а из воды спинка торчит и шерсть серебром поблёскивает. Красавица!

Любуюсь ею, а сам думаю: «Эх, жалко, рядом нет никого! Был бы кто, подивились бы вместе!» Так уж человек устроен: всегда ему радостью поделиться хочется.

Любуюсь я, и вдруг... Что это?! Ястреб!

Как звезда падучая, хлоп с неба и всадил когти в выдру, рванул её кверху, в темя ударил... Да слаб оказался. Выдра вспенила воду и вглубь пошла, а с ней и разбойник: видать, когти его в шкуру крепко вцепились.

А выдра и давай его таскать под водой. Мне хорошо её видно. Носится с ним от берега к берегу, изгибается, переворачивается — хочет сбросить его со спины. А он уже готов: и крылья, и шея с головой, и хвост — всё перепуталось и волочится, как ком лохмотьев, а когти никак не разжимаются!

Засели! Намертво засели!

Долго ли, нет ли носилась так выдра, сказать не могу: не о том тогда думал, помочь ей хотел.

А как ей поможешь? Никак. Думал я, думал, да так ничего и не придумал.

Гляжу, а выдра уже на берег выбралась, и ястреб за ней волочится, как сума перемётная. Остановилась она, перевела дух, затем как схватит зубами ястреба да как дёрнет его — он и отвалился. Она мотнула головой и швырнула его в воду: плыви, мол, разбойник, подальше от моей заводи! И принялась зализывать на спине раны.

Пока я следил за ней да за её проделками, у меня разутая нога траву продавила и на сук наткнулась. Больно мне стало, переступил я и спугнул выдру.

Метнулась она в воду и пропала.

Я разделся, выкупался и ястреба выловил: посмотреть на него захотелось. Уж очень мудрёным



он мне показался: тетеревятник, а на такого зверя кинулся. Ненормальный, думаю, какой, что ли?

Ястреб и вправду с недостатком оказался — одноглазый был. Один глаз есть, а другой потерян давно. Видать, ястреб дрался с кем-то и лишился его. Вот сослепу-то, наверное, и наскочил на выдру. Может, за рыбу её принял, кто его знает.

Одно ясно,— закончил рассказ Иван Касьянович,— ястреб ошибся, и в последний раз.





ОДИН В ТАЙГЕ

Лёнька заблудился в тайге. Сидит он под кедром, вздрагивает при каждом ночном шорохе и беззвучно плачет. Вот что-то треснуло в темноте, фыркнуло. Лёнька замирает, напрягая слух. Тихо. Видать, показалось. Парнишка всхлипывает и вспоминает, что было днём.

Утром привёл дед Лёньку на покос грести сено. До обеда они ворочали граблями длинные валки — помогали горячему солнцу выгонять ночную сырость. Вскоре валки просохли, стали трещать и звенеть. И тогда дед велел Лёньке сгребать их в груды, а сам принялся четырёхрогими деревянными вилами смётывать эти груды в копны. Когда он высоко поднимал над головой навильник гремучего сена, Лёньке казалось, будто перед ним стоит не дед, а лесной великан с зелёной грозовой тучей. Это, пожалуй, было единственное, что ценил Лёнька в своём дедушке — силу. В остальном

он считал деда чудаком. Никак не мог, например, взять Лёнька в толк, как это он, дед, такой сильный человек, может по часу слушать пение разных пичуг или разглядывать какую-нибудь бабочку до тех пор, пока она не улетит. И что в ней интересного, в этой букашке-таракашке? Непонятный он человек. Примется Лёнька ему про бокс, про футбол что-нибудь говорить — он этак внимательно выслушает, а потом и скажет:

— Сила есть — ума не надо. Вон медведь, например, два на два не помножит, а его все боятся. Правда, Лёнька?.. Пойдём-ка лучше на речку, я тебе голубого окуня покажу.

Пока идут, всю дорогу про зверюшек, птичек да про рыбок рассказывает. А что толку? Всё равно от этих рассказов Лёнькиной команде не легче: Федька-вратарь ногу вывихнул. Придут на берег, Лёнька сердито спрашивает:

— Ну, где твой голубой окунь? Показывай!

А дед отвечает:

— Чтобы его увидеть, Лёня, надо пристальней смотреть вокруг. Когда всё разглядишь подле себя и поймёшь, он тогда и объявится. Напоследок. Смотри, какая красотища-то на речке! Не вода — золото алое. А это кто там посвистывает? Куличок с кулачок. Видишь его, длинноносого?

И верно: в осоке какая-то птичка сидит, на танк похожая, а в реке красная заря отражается. Хорошо, красиво! Да только Лёнькиной команде от этого не легче: нога-то у Федьки не гнётся. И пускай хоть самого голубого кита обещает сейчас показать тебе дед — ты останешься равнодушным.

Сегодня дед тоже чудил. Что-то всё о грибах рассказывал: будто они людей любят, жмутся к ним. Затем опять о птицах долго говорил, о зверье. Кончил дикими травами, которые можно якобы

есть. А зачем их есть, когда в огороде всего полно.

Лёнька не слушал его. Он думал о футболе: нынче вечером у него состоится игра, в которой он должен заменить Федьку-вратаря. То и дело он поглядывал на покос. Неубранного сена оставалось ещё много. Чтобы не опоздать на игру, надо было спешить. И Лёнька грёб, обливаясь по́том. Но как он ни торопился, всё сено до захода солнца убрать не удалось. Оставалось сметать всего копны три, когда дед вдруг произнёс:

— Хватит, Лёнька, отсыревает сено. Завтра закончим. А сейчас пойдём-ка на Лихов омут, я там перемёт позавчера бросил. Налимов, поди, уйма. Пошли вытаскивать!

— Ночевать, что ли, будем? — насторожился Лёнька.

— А то что же ещё? Не бить же ноги туда, сюда — и в посёлок и обратно. Сварим уху, поболтаем у костра — да и под копну. Ночью филина послушаем, выпь. Ты ведь не слыхал небось?

Лёнька помрачнел и тихо попросил:

— Я сегодня на воротах. Если не приду, ребята мне бока намнут. Отпусти, деда.

Дед окинул внука насмешливым взглядом, покачал головой и промолвил своё:

— Ну понятно: сила есть — ума не надо. Что же, ступай. Только вот что, дорогу-то хорошо помнишь?

— А то нет? Сто раз хаживал,— повеселел Лёнька.

— Беги по тропке, никуда не сворачивай. Не то заблудишься. Понял?

Но Лёнька не ответил: он весь уже был в воротах своей команды. Быстро собравшись, он бросил деду «до свидания» и вприпрыжку пустился к ельнику. Стерня под его ногами скоро оборвалась,

и он углубился в подлесок. Отыскал в нём тропу, ведущую к посёлку, и рысцой побежал к дому.

Лес на его пути становился всё чаще и глуше. Но это Лёньку не пугало: тропа была торная и знакомая. Если скакать во весь дух и нигде не задерживаться, то часа через полтора можно уже быть на школьном стадионе.

— Пас налево! Пас направо! — лихо перепрыгивал Лёнька через пни.— Удар по воротам! Гол!..

Он плюхнулся на мягкий мох и замер, переведя дыхание. Потом огляделся и по приметам, известным только ему одному, определил, что не одолел ещё и четверти пути.

«Кажется, всё же опаздываю,— заключил он.— Придётся бежать прямиком. Места я тут знаю хорошо. Если, например, свернуть направо, то выйдешь к реке Уйманке, а если налево — как раз к посёлку».

И, ни о чём больше не раздумывая, Лёнька вскочил на ноги, смело сошёл с тропинки и углубился в лес. Вначале идти было легко: нигде ни коряг, ни пней, подлеска и того не виднелось. Ходьбу замедляли только высокая трава да прошлогодние дубки.

И вдруг перед Лёнькой выросла стена из сухого валежника, опутанного диким хмелем. Он остановился, прикидывая в уме, с какой стороны её лучше обогнуть. Но палый лес тянулся в обе стороны нескончаемым валом. Почесавшись от досады, Лёнька решил идти напрямик и полез в глубь бурелома между сучьев, словно между рёбер погибшего чудовища. Никогда ещё не доводилось ему попадать в такую трущобу. Сверху и снизу, со всех сторон окружили его колючие сучья, сухие ветки, мох-бородач и сети из таёжного хмеля. Лёнька вынул из-за пояса лёгкий топорик и при-

нялся прорубать им дорогу. Рубил долго, упрямо, без отдыха. Наконец бурелом оборвался, и Лёнька очутился на небольшой поляне. Глянув на небо, он забеспокоился: над лесом уже загорелась вечерняя заря. Лёнька знал: в посёлке сейчас начинается игра в футбол.

«Надо лететь как ракета!» — заключил он и уже было кинулся бежать, как вдруг замер: всё вокруг показалось ему незнакомым.

Где это он? Что за поляна? Куда идти дальше? Эти вопросы пчелиным роем закружились в его голове.

«Заблудился!» — с испугом понял он.

Не зная, в какой теперь стороне посёлок, Лёнька зашагал наугад. Забрёл в тёмный кедрач и, утопая во мху, двинулся на ближайший просвет. Просветом оказался берёзовый лес. Миновав его, Лёнька упёрся в непроходимое болото и нехотя повернул обратно. Оглядевшись ещё раз вокруг и не приметив ни одного знакомого предмета, он решил немедленно отыскать бурелом, пробраться сквозь него по своему следу и вернуться на тропу.

Но не тут-то было: бурелом словно ветром сдуло. Куда бы ни направился Лёнька, всё везде оказывалось новым: и кедрач не тот, и поляна не та, и всё не то...

Наступили сумерки. Лёнька с грустью представил себе, как его друзья, закончив сейчас игру в футбол, расходятся по посёлку.

«Интересно, кто победил — они или мы?» — прищурился Лёнька и вдруг поймал себя на том, что думает не о деле.

Пока было светло, ему казалось, что он так или иначе выберется из леса. Но теперь стало ясно: придётся заночевать в тайге. А это не обещало ничего хорошего. И Лёньку вдруг обуял страх.



Он в панике бросился бежать, сам не зная куда. Споткнулся и лицом полетел в крапиву. С визгом вскочил на ноги и завопил что было мочи:

— Помогите!..

Прислушался, потирая горящее лицо исцарапанными руками. В ответ — ни звука. Только гудит комарьё. Он закричал снова, и снова тайга ответила молчанием. Даже эхо не откликнулось. Он звал, пока не охрип.

Стемнело. Деревья слились в одну чёрную стену. Вверху эта стена кончалась силуэтами еловых вершин. На фоне светлого неба они казались острыми башнями древнего замка. В этих башнях виднелись оконца — просветы между ветвями. Лёнька приметил, как в одном из них появился кто-то лохматый и затаился. Мурашки побежали по спине Лёньки. Он медленно и бесшумно попятился и юркнул за ствол кедра.

«Фу-бу!» — вдруг раздалось в башне.

Лёнька вздрогнул и осторожно выглянул из-за дерева. Оконце башни опустело, а по лесу неслось таинственное шуршание.

«Бэуу!» — по-бычьи замычал кто-то на болоте.

У Лёньки от страха застучали зубы. Он крепко сжал руками топорик, опустился на землю и замер, прижавшись спиной к стволу...

И во́т он сидит и беззвучно плачет.

«Фу-бу! — вновь раздаётся жуткий крик, переходящий в хохот: — Ха-ха-ха...»

Это филин вышел на свою ночную охоту. Добрая, полезная птица — мышей ловит. Но Лёнька этого не знает, хотя мог бы и знать: дед о филине много раз ему говорил, да только Лёнька прослушал. Вот сейчас и дрожит.

«Бэуу!..» — опять повторяется на болоте.

Это тоже не опасно: выпь зверей пугает — засунет клюв в воду и бурлит. Небольшая забавная птица, а Лёньке страшно.

Страшнее, чем удар по воротам с одиннадцати метров. Лёньку лихорадит.

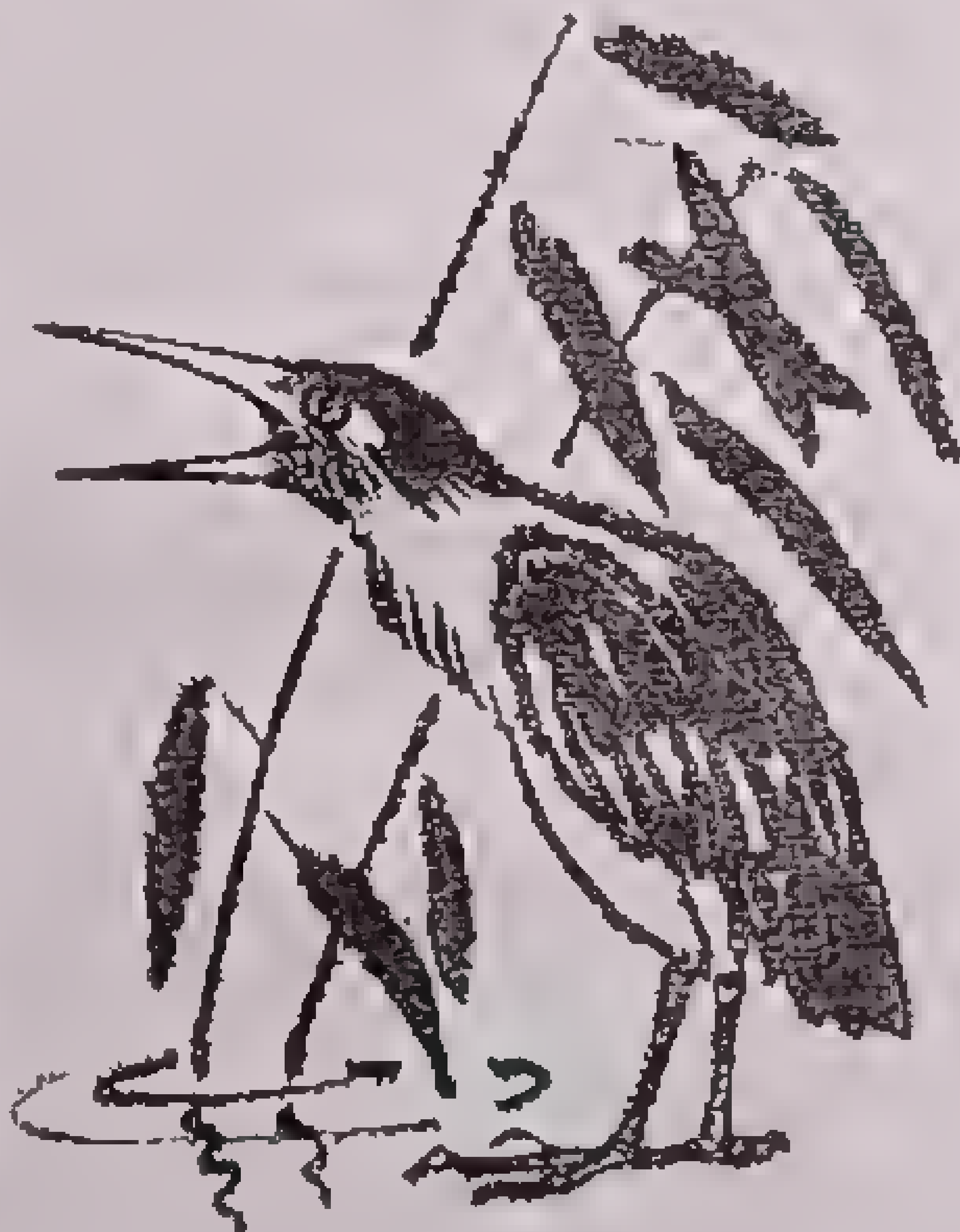
Вдруг в темноте раздаются чьи-то шаги: кто-то грузный бродит по кустам. Шуршит листва, потрескивают сухие ветки.

«Медведь?!» — перестаёт дышать Лёнька.

Его больно кусают муравьи, забившиеся под рубаху, но он терпит, стиснув зубы.

«И-у...» — тягуче раздаётся над головой.

И тотчас Лёньке на плечо падает с кедра прошлогодняя шишка. От неожиданности парнишка с криком вскакивает и замахивается топориком на невидимого врага. В тайге разом всё умолкает. Только слышно: кто-то тяжёлый, ломая сучья и ветки, удирает прочь от Лёньки.



Это марал, большой сибирский олень. Бояться его нечего: ещё не случалось такого, чтобы он напал на человека. А шишку нечаянно уронила сова, прокричавшая своё тягучее «и-у».

Тихо и темно в тайге. Лёнька вновь опускается на землю и настороженно озирается по сторонам. Вдали вспыхивают два зелёных огонька и пропадают. А под ближней корягой кто-то всё время роется, попискивает и скребётся. Страшно Лёньке. Он трясётся, съёжившись под кедром.

Сон проворнее страха, и уставший, измученный Лёнька вскоре засыпает. Ни комарьё, ни муравьи и никакие лесные звуки уже не могут заставить его открыть глаза. Всю ночь ему снится одно и то же: будто он стоит в воротах и ловит мячи, которые, попав ему в руки, вдруг превращаются то в ежа, то в огромную жабу или в клубок красных змей...

Просыпается Лёнька от страха. Его снова трясёт, во рту пересохло, хочется пить.

Утро. Травы, кусты, ветви деревьев — всё покрыто росой и окутано лёгким туманом. Тайга пробудилась — поёт, звенит. Заливаются песнями дрозды, громко кричат черноголовые славки, над-



садно каркают кедровки, по-журавлиному курлычет чёрный ворон.

Лёнька поднимается с земли и, покачиваясь, бредёт, сам не зная куда. Случайно натыкается на родничок и жадно пьёт вкусную ледяную воду. Напившись, гадает, в какую сторону идти дальше. Ему бы направиться вниз по течению ручейка, ведь ручеёк всегда впадает в реку, а на берегу реки обязательно стоят какие-нибудь домишки. Но Лёньке это невдомёк, и он удаляется прочь от родника. Парнишка даже не умеет определить, где север, а где юг, хотя по веткам деревьев сделать это проще простого: на северной стороне дерева ветки всегда реже, а ствол обрастает лишайником.

— Эге-ге-гей! — кричит Лёнька, но никто не откликается на его печальный зов.

Лёньке хочется есть. Вокруг много вкусных трав: пиканы, стебли медуницы, саранки, лесной горошек, на камнях молодило... Но Лёнька не ведает про это и ищет какую-нибудь ягоду, а её, как нарочно, нет и нет.

Пробродив полдня, парнишка неожиданно оказывается на том самом месте, где провёл ночь:

— Тю-ю... Вот так штука!

Он подходит к коряге, под которой кто-то копался ночью, и обнаруживает несколько холмиков свежей земли, вытолканной из-под дерева.

— Да это же крот! — улыбается Лёнька.

В пустом желудке от голода начинаются рези. Лёнька опускается на землю. Когда боль унимается, он решает забраться на кедр.

С вершины высокого дерева хорошо просматриваются дали. Километрах в десяти виднеется белогорье. У его подножия должен где-то находиться посёлок. Выясняется, что Лёнька ушёл от него в противоположную сторону.



«Сейчас примерно полдень, — рассуждает Лёнька. — Значит, юг там, где солнце, а мой дом в обратной стороне — на севере».

Спустившись с кедра, Лёнька направляется к посёлку по солнцу. Идёт час, другой, третий... Но посёлка нет и нет, даже никаких человеческих следов не попадается на его пути.

— Что за чудеса? — вслух удивляется растерянный Лёнька. — Ведь точно иду по солнцу, равняюсь тени от деревьев!..

Парнишке и в голову не приходит, что тени тоже не стоят на месте, а уплывают незаметно вправо. Лёньке бы время от времени брать левее, но у него не хватает на это соображения.

На небольшой поляне Лёньку останавливают грибы... Много грибов! Раньше они тоже попадались ему, но редко и не так кучно. Если бы Лёнька помнил рассказы деда, то знал бы: где много грибов, там часто бывают люди. Собирая грибы, они уносят с собой молодые и ядрёные, а старые бросают. Из них высыпаются споры и попадают в землю. Так, сам того не замечая, человек сеет грибы. Чем больше грибов, тем чаще, значит, бывает здесь человек. Стало быть, где-то неподалёку должна находиться тропинка. Лёньке бы поискать её, но он ковыляет куда глаза глядят. От голода у него кружится голова, и он чуть не валится с ног.

К счастью, взгляд его натыкается на кусты смородины, и он с жадностью набрасывается на

бурые ягоды. Объедает один куст, другой... Много съел, а есть всё хочется.

«Отдохну малость,— думает Лёнька,— а потом опять буду есть. И не перестану, пока все кусты не объем».

Но странно: голод вдруг проходит, и Лёньку начинает одолевать сон. Чтобы не валяться на голой земле, он принимается сооружать себе постель из мха и травы.

— Ночью не выспался, досплю сейчас,— бормочет он, сдирая толстый слой мха с трухлявого дерева, и вдруг с визгом отскакивает в сторону, увидев на оголённой части ствола двух бурых змей.

Они поднимают головы, шевелятся. Лёньке кажется, змеи хотят броситься на него, и он опрометью кидается прочь от страшного места. Бежит минуты две, перемахивая через валежины, и грохается на землю, споткнувшись о пихтовый сук.

Поднимается и начинает ощупывать себя. Кости целы, зато на лбу наливается огромная шишка, а перед глазами кружатся жёлтые искры. Топорик и сетка потеряны, брюки и куртка висят на нём клочьями.

— Ой!..— принимается он голосить, представив, какую баню задаст ему за это мать.

Он плачет громко, без стеснения: кто его может услышать в тайге! Но и тут получается у него промах: чьи-то руки берут его сзади за плечи.

— Ай! — вскрикивает Лёнька.

— Как жив-здоров, футболист?

— Дедушка! — оборачивается Лёнька.

Перед ним стоит его дед с ведром грибов. Улыбается, изучающе осматривая внука.

— Хорош...— насмешливо произносит он.— Я тебя давно заприметил. Иду с покоса и думаю:

дай загляну на полянку — может, грибы появились. Так и оказалось. Собираю их и вдруг вижу: ты тоже здесь. Мох дерёшь. Вот так фокус, думаю. А ты почто это как ошпаренный побежал?

— Змеи там.

— Это те, что на стволе? Так это же не гадюки, а медянки. Они неядовитые. Чего их бояться? Эх, ты!..

Лёнька сидит, пряча от деда лицо. Тот надевает ему на голову кепку, которую подобрал в кустах, подаёт топорик:

— Держи, пугало огородное.

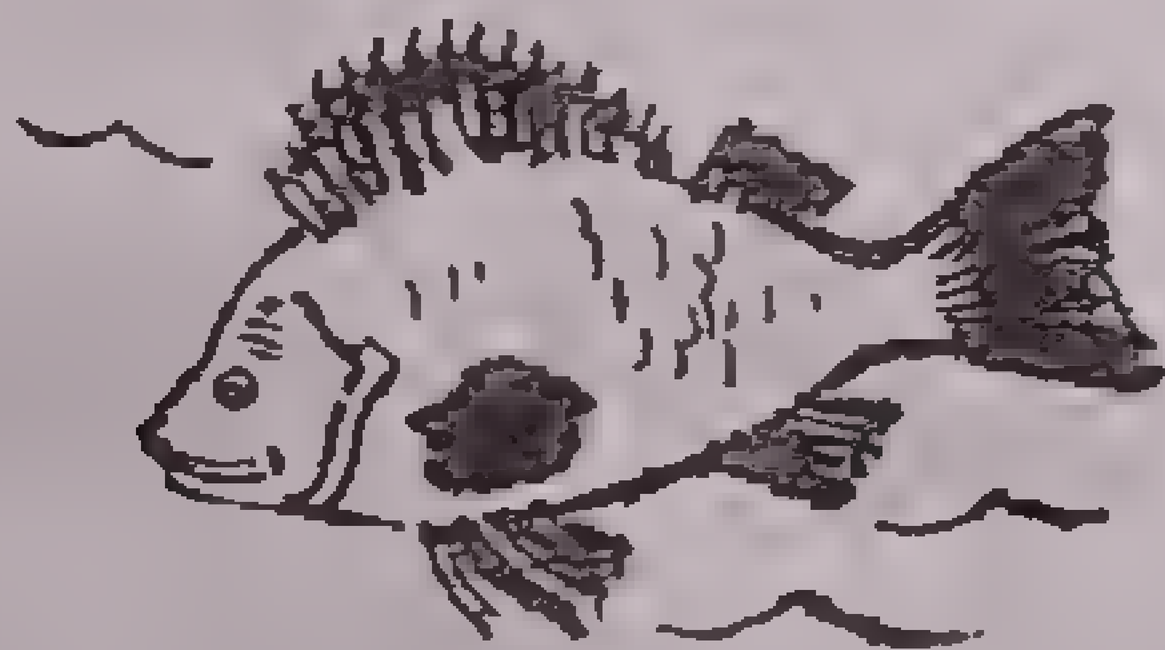
— Заблудился я, дедушка...— всхлипывает Лёнька.

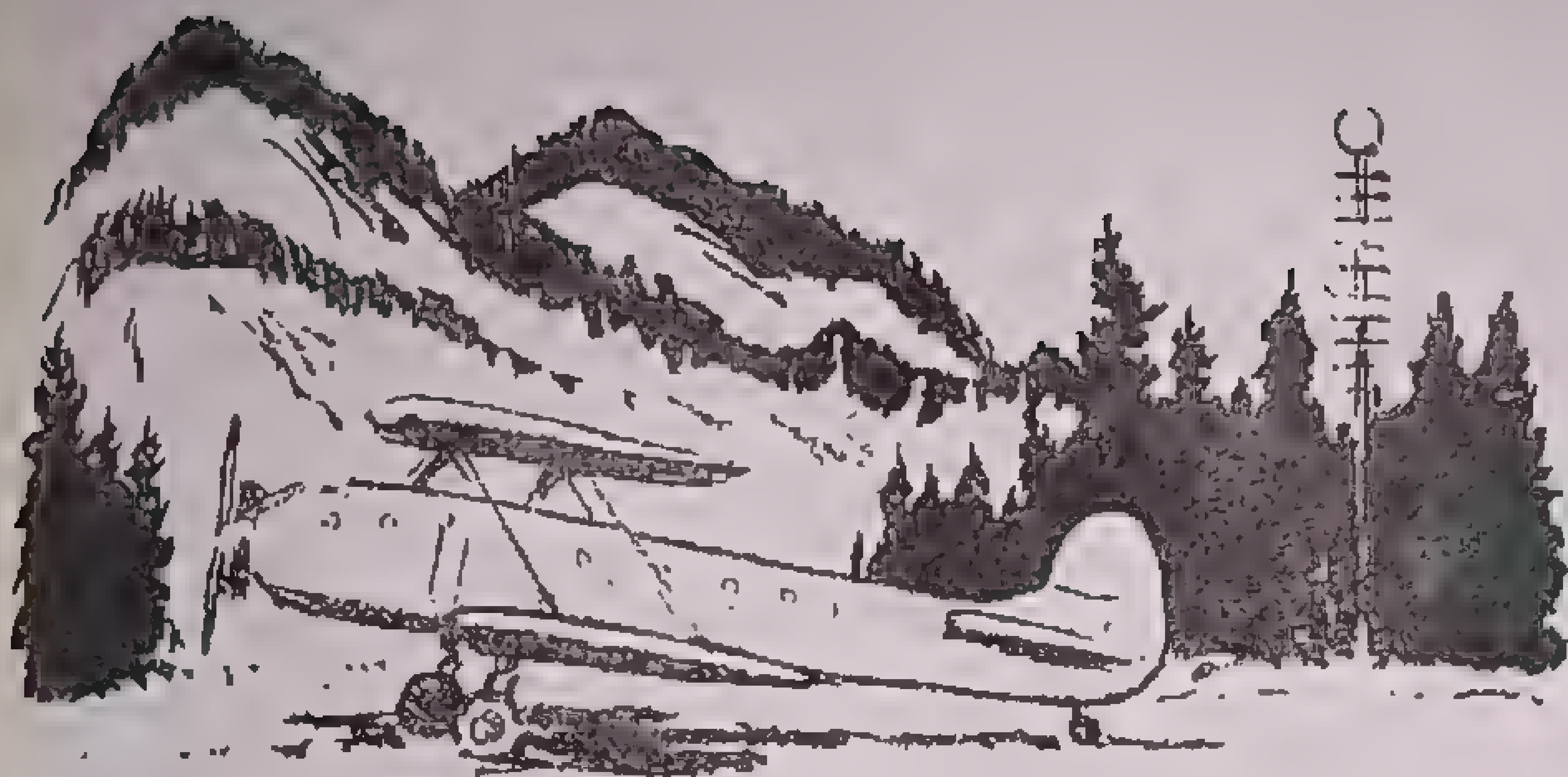
— Да уж вижу, можешь не объяснять. Живёшь в лесу, видишь лису, а думаешь, это футбольный мяч. Сила есть — ума не надо. Или как?

Ничего не ответил деду Лёнька. Но когда они подходили уже к дому, робко спросил:

— Дедушка, мы скоро опять пойдём голубого окуня смотреть?

Дед остановился, внимательно поглядел на внука, но не сказал ни слова, только довольно улыбнулся.





СХВАТКА В САМОЛЁТЕ

Маленький самолёт «Антоша» двое суток задерживался на аэродроме подле деревушки Глухово, затерявшейся в отрогах Саян. «Антошу» не принимал город, куда он должен был лететь. Там шёл дождь и стояла низкая облачность. А в Глухове всё это время было сухо и солнечно. Лётчики скучали. Пассажиры волновались и постоянно звонили в город, но погода там от их звонков не менялась, и «Антоша» продолжал стоять.

Только на третьи сутки наконец пришло по радио разрешение на вылет. Повеселевшие лётчики сразу же поспешили к самолёту, чтобы подготовить его к приёму пассажиров. Но старенькому «Антоше» опять не повезло. Вылет его неожиданно был отложен вновь и на неопределённый срок, но теперь уже не из-за плохой погоды, а совсем по другой причине.

Случилось вот что. Когда лётчики вошли в свою кабину, на них вдруг набросилась целая туча пчёл. Отмахиваясь от насекомых, оба лётчика

выскочили из самолёта и опрометью кинулись наутёк. Пчёлы гнались за ними и жалили их до тех пор, пока хозяева «Антоши» не вбежали в комнату начальника аэродрома.

— Что это с вами? — с недоумением и тревогой уставился начальник на лётчиков, лица которых почему-то стремительно покрывались шишками прямо на его глазах.

— Пчёлы...— морщась от боли, пояснил командир самолёта.— Полная кабина!

— Пчёлы? — удивился начальник.— Откуда они там?

— А кто их знает... Набросились как бешеные!

Начальник призадумался.

— Отродясь такого не слыхивал, чтобы пчёлы самолёт захватили,— промолвил он.— Ну-ка пойду гляну на них...

— Только осторожней,— предупредил командир.

Начальник ушёл. А лётчики принялись вытаскивать друг у друга пчелиные жала.

— Ой, проклятые! — влетел в комнату запыхавшийся начальник аэродрома.— Только заглянул в самолёт, а они на меня — пулями, пулями! Вон что со мной тоже сделали!

Лётчики глянули на лицо начальника и невольно расхохотались. На нижней губе его вниз головой болталась пчела, а под глазами и на лбу быстро наливались шишки.

— Как же мы теперь пассажирам-то покажемся? — глянув на себя в зеркало, ужаснулся начальник и сердито смахнул у губы пчелу.— Ну ничего, я сейчас с ними быстро расправлюсь. Сделаю дымокур и мигом выкурю их из кабины!

— Отпадает,— возразил командир самолёта.— В машину с огнем входить нельзя: можно устроить

пожар. Надо поискать какой-нибудь другой выход, и побыстрее. И так уже двое суток здесь загораем.

Начальник нахмурился, бормоча:

— Другой выход... А какой?

— Не знаю,— произнёс командир и удручённо вздохнул: — Вот оккупанты-то! И откуда их занесло?!

...На аэродром начали прибывать пассажиры. И каждый из них задавал лётчикам один и тот же вопрос: «Во сколько полетим?» Лётчики, пряча опухшие лица, отвечали:

— Сами не знаем.

— А почему? Мы только что звонили в город, и оттуда нам ответили, что сегодня нас могут принять.

Это сказал один весёлый парень. Начальник аэродрома, которому надоело наконец прятать лицо, ответил раздражённо:

— «Почему, почему»... Да потому — пчёлы самолёт захватили! — Он показал свою опухшую губу и шишки.— Вот! Ясно?

Вскоре о пчёлах узнали все пассажиры и принялись дружно смеяться. Да и как было не посмеяться: трое таких сильных, взрослых мужчин и вдруг испугались пчёлок!

— Позвольте мне заглянуть в самолёт,— попросил лётчиков весёлый парень.— Может, я их оттуда выгоню.

— Пожалуйста, только без огня,— разрешил командир.

Парень вынул из своего чемодана очки мотоциклиста и надел их. Затем обмотал лицо и шею полотенцем, а на руки натянул кожаные перчатки с крагами.

— Доспехи готовы,— весело сказал он.— Осталось взять в руки меч. Дайте мне меч!

Кто-то подал ему веник, и парень под весёлый гул пассажиров смело зашагал к самолёту.

Выгнать пчёл из самолёта парню не удалось, несмотря на то что он махал веником добрых полчаса.

Пчёлы почему-то не захотели покидать кабину и упорно сопротивлялись, беспощадно жаля «доспехи» парня и погибая от ударов его «меча». Парень устал и решил отступить.

— Что-то их там держит,— сказал он, подойдя к лётчикам.— У вас в кабине сладкого ничего нету?

— Нет,— ответил командир самолёта.

Пассажиры больше не смеялись. Они начали всерьёз беспокоиться, что не смогут и сегодня улететь в город. Кто-то из них посоветовал:

— Надо пригласить пасечника. Уж он-то, наверное, найдёт способ, как их выкурить.

Начальник аэродрома охотно принял это предложение и немедленно отправился в деревню. Но пасечника, как назло, не оказалось дома. У него вчера днём пропал пчелиный рой, и он ушёл в лес на его поиски. Об этом начальнику сказала дочь пасечника, а затем полюбопытствовала, зачем лётчикам понадобился её отец. Начальник объяснил, в чём дело.

— Понятно,— сказала девочка.— У вас в самолёте сидит тот самый рой, который ищет папа. Не беспокойтесь, дяденька. Папа вернётся и всё уладит.

— А когда он вернётся-то?

— Не знаю. Может быть, вечером.

— Вечером...— поморщился начальник.— А ты сама-то не знаешь, чем их можно из самолёта выгнать?

— Не-е,— тряхнула косичками девочка.

— Беда...— тяжело вздохнул начальник и пошёл прочь.

— Погодите, дяденька! — вдруг остановила его девочка.— Я сама про пчёл мало знаю, а вот у доярки тёти Поли племянник Гриша есть, так он наверное знает. Он юннат, и ему про всех насекомых известно. Давайте его попросим!

...Когда начальник вернулся в аэропорт в сопровождении юнната Гриши и дочери пасечника, командир самолёта спросил его:

— А где пасечник?

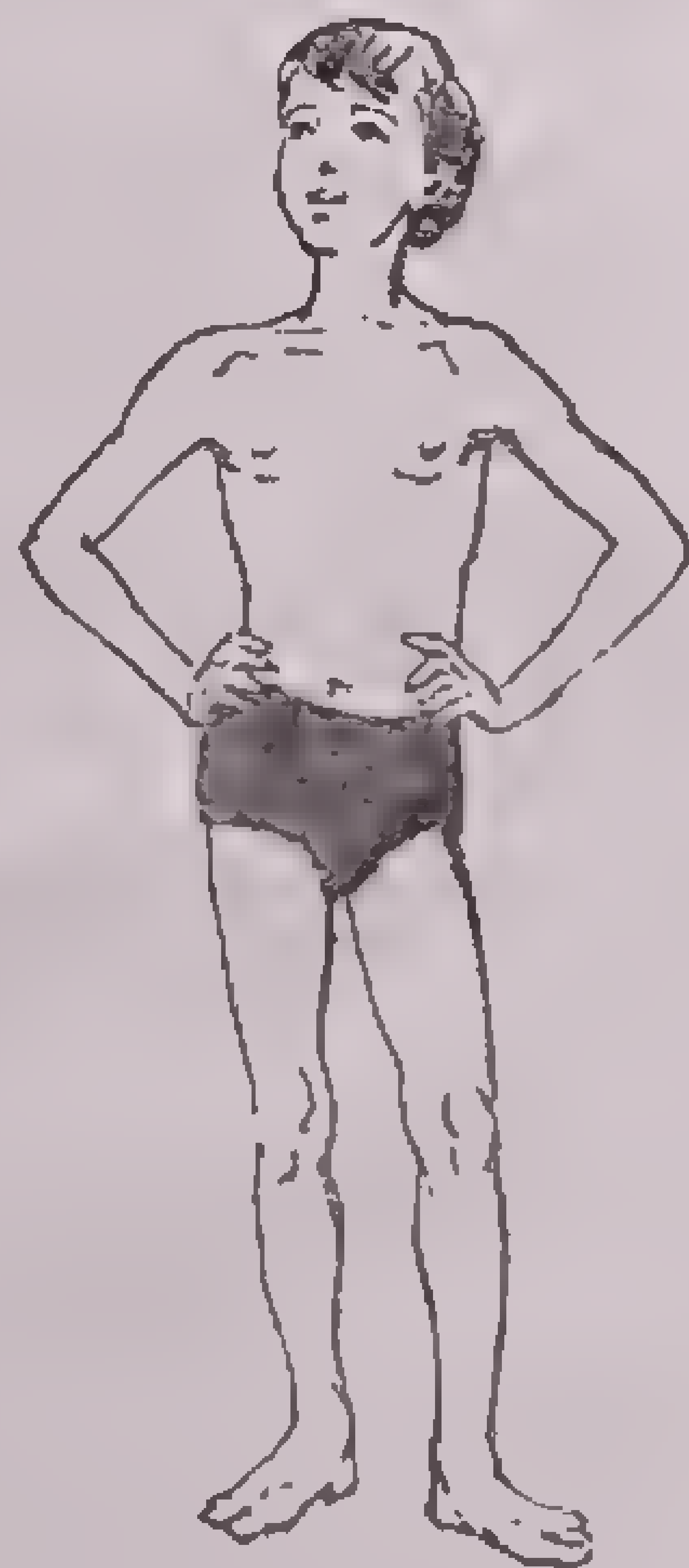
— Вот за него,— кивнул на Гришу начальник.

Командир поглядел на паренька с недоумением:

— Этот мальчик? А чем он может нам помочь?

— Не знаю, но он обещал.

— Я помогу вам,— сказал Гриша лётчикам.— Вы все стойте здесь, а я отправлюсь в самолёт.



Гриша был в одних трусах, и поэтому командир резко схватил его за плечо:

— Стой! Куда же ты нагишом! Зажалят!

— А я тихонечко,— промолвил Гриша.— И вы, пожалуйста, тут тоже сильно не шумите. Пчёлы пуще всего от шума раздражаются.

Провожаемый обеспокоенными взглядами старших, Гриша на цыпочках подошёл к самолёту и бесшумно поднялся в кабину. Все ждали, что вот-вот оттуда послышится крик и

мальчик кубарем вылетит из кабины. Но ничего этого не произошло. Гриша вышел из самолёта. На левой руке его висело что-то большое и подвижное.

— Мать честная! — прошептал командир.— Это же он рой пчёл несёт!

Да, юнпат Гриша нёс пчёл. Когда он подошёл к лётчикам, те в страхе попятились от него.

— Не бойтесь,— тихо сказал Гриша.— Сейчас они не тронут.

Пчёлы, вцепившись одна в другую, висели у паренька на пальце. За палец держалась только одна пчела. Она была в два раза крупнее остальных.

— Это матка, — пояснил Гриша. — Царица роя. Вам бы её надо было сразу отыскать и вынести из самолёта. За ней бы мигом и весь рой убрался.

— А как тебе удалось их всех взять? — спросил командир.— Почему они не ужалили тебя?

— А я тихонечко, без шума. Вошёл в кабину, отыскал матку и осторожно посадил её на палец. Она на меня не рассердилась и не подняла тревогу. А раз так, то и другие не стали сердиться, но от матки, когда я её понёс, отставать не захотели и мигом ухватились за неё. Сперва одна, потом вторая, а за ними и остальные. Вот и всё.

Лётчики долго молчали.

— Нда...— наконец произнёс командир самолёта.— А почему они нас жалили?

— На вас они напали, потому что вы, наверное, какую-нибудь из них придавили. Она подала сигнал: «Опасность!» Ну и началось... А потом ещё и в самолёт с шумом входили.

— Да, так оно и было — шумели,— согласился командир.— И получили за этот шум. Факты на

лице.— Он пощупал шишки на своих щеках и весело рассмеялся.

Расставаясь с лётчиками, Гриша поинтересовался:

— А как рой мог попасть в самолёт?

— Да окно кабины все дни было открыто,— ответил командир,— вот и залетел.

— Надо закрывать,— серьёзно посоветовал Гриша.

Лётчики поблагодарили юного натуралиста за совет и помощь и пошли готовиться к полёту.

Гриша в сопровождении дочери пасечника понёс пчелиный рой в деревню. Когда дети подходили к дому пасечника, над ними с гулом пролетел «Антоша». Грише показалось, что он слегка помахал ему крыльями. А может, это было и на самом деле так.





МУРАВЬИНЫЙ ЛЕВ

Дул суховей, горячий и жёсткий. Его не смягчала даже близость реки. От воды несло душным парным теплом.

Я бродил по берегу и переворачивал большие камни — искал под ними красных червей для наживки. Черви будто повымерли. А на реке, как нарочно, то и дело раздавались дразнящие всплески крупных рыб.

«Придётся топать в Глухово и копать червей в огороде»,— с досадой подумал я.

Деревушка Глухово находилась в шести километрах. Идти в такую даль по сильной жаре очень не хотелось. Но другого выхода у меня не было. Я оставил удочки в густых зарослях ежевики и не спеша зашагал пыльной тропинкой, вьющейся вдоль реки по самому берегу.

Не успел я сделать и двухсот шагов, как неожиданно наткнулся на сильно загорелого под-

рістка в трусах. Он сидел у тропки и что-то внимательно разглядывал через лупу на песчаном откосе берега. Подле него стояли две банки — железная и стеклянная. В песок было воткнуто длинное удилище, обмотанное капроновой леской. Мальчик оказался тем самым юннатом Гришей, что помог однажды лётчикам избавиться от пчелиного роя, занявшего кабину их «Антоши». Мы разговорились, и я полюбопытствовал, что он здесь сейчас делает.

— А вы присядьте рядом, посмотрите — и сами всё поймёте,— ответил Гриша.— Очень занятно...

Присев на корточки, я увидел небольшую песчаную воронку. На самом дне её кто-то шевелился, бросая вверх фонтанчики песка. Это меня сильно заинтересовало. Я улёгся на землю и во все глаза принялся смотреть в воронку.

— Забавно,— произнёс я.— Кто же это здесь?

Гриша молча подал мне лупу. Я навёл её на дно воронки и заметил какую-то личинку величиной с клопа. Туловище её было земляного цвета, полосатое и плоское. Маленькая головка с двумя полыми серповидными челюстями напоминала клешню рака. Ею, как совочком, личинка то и дело поддевала песок и высоко подкидывала его кверху.

— Что это она делает? — удивлённо спросил я Гришу.

— Лунку углубляет.

— А зачем?

— Готовится к приёму гостей.

Я ничего не понял, но решил помолчать, надеясь вскоре разобраться во всём сам.

Насекомое продолжало трудиться. Когда воронка сделалась значительно глубже, личинка на миг застыла на месте. А потом вдруг принялась

зарываться в песок, быстро и ловко работая всеми своими шестью лапками. Вскоре она углубилась в дно воронки с головой и замерла там, выставив наружу лишь челюсти.

— Всё, капкан готов! — объявил Гриша.

— Капкан? Что за капкан? На кого? — опять ничего не понял я.

— Потерпим, понаблюдаем — и скоро всё узнаем, — промолвил Гриша тоном человека, знающего нечто такое, что известно далеко не каждому, и вдруг воскликнул: — А вот и первый гость! Смотрите!

Подле воронки появился чёрненький жучок-лубоед. Покрутился, повертелся на одном месте, затем побежал по краю воронки и, вдруг сорвавшись вниз, заскользил по её песчаному откосу на дно.

И тотчас заработали челюсти личинки — начали посыпать жучка песком. Почуяв неладное, лубоед попытался выкарабкаться из западни. Но чем усиленнее он грёб лапками, тем быстрее сползал вниз, непрерывно поливаемый песчаным дождиком.

Наконец, лубоед оказался на самом дне воронки. Личинка вырвалась из песка, перевернула гостя на спину и впилась челюстями ему в бок. Жучок немного подрыгал лапками и замер.

— Это она ему сонный укол сделала,— пояснил Гриша.— Теперь приложится ртом и часа два станет из него соки высасывать. Насосётся и опять зароется в песок, будет отдыхать. А когда отдохнёт, начнёт кого-нибудь другого подкарауливать. И так в течение двух лет, пока не окуклится и не превратится вот в такое чудо-юдо...

Говоря это, Гриша взял в руки стеклянную банку. В ней шевелилось множество самых разных

насекомых. Среди них были и хрущи, и шпанские мушки, и долгоносики, и лубоеды, и трубковёрты, и даже крохотные короеды-типографы.

— Тут у меня, в основном, вредители леса,— сказал юный энтомолог[1].— Собираю коллекцию для нашего школьного лесничества... Так, а где же у меня это самое чудо-юдо? А! Вот оно!..— Гриша показал мне крупное четырёхкрылое насекомое с длинным мохнатым брюшком и спросил: — Хорош экземплярчик, правда?

— Ты насекомовед, тебе виднее,— ответил я и поинтересовался: — А как оно называется, это твоё «чудо-юдо»?

— Муравьиный лев.

— Странное название,— заметил я.

— Ничего странного,— возразил Гриша.

Он огляделся вокруг, увидел на земле чёрного муравья и взял его в руку.

— Глядите! — Гриша вынул из воронки лубоеда и посадил в неё муравья.

Муравьишка попытался выбраться из ловушки, но его вскоре постигла та же участь, что и лубоеда: укушенный, он начал засыпать.

— Понятно,— промолвил я.— Выходит, эта личинка — гроза даже для такого силача и зубастика, как муравей.

— Как видите. За то и прозвище такое получила — муравьиный лев.

Гриша отобрал у личинки сонного муравья, говоря ей:

— Не хапай нашего доброго мурашку! Доедай уж вон лучше этого злого лесогуба!

Гриша бросил в воронку лубоеда и потом обратился ко мне:

---

[1] Энтомолог — зоолог, изучающий насекомых.

— А за мурашку не беспокойтесь, он сейчас очнётся.

И действительно: муравей полежал, полежал на ладони у Гриши и вскоре зашевелился. Мальчик посадил его на землю, тот тихонечко пополз и через минуту скрылся в траве...

— Гриша, а что у тебя в железной банке?— с уважением оглядев юнната и его вещи, полюбопытствовал я.

— Черви дождевые,— ответил он.

— Вот как!— обрадовался я.— Может быть, поделишься со мной? А то я как раз за ними в Глухово на огород собрался. Под камнями-то почему-то их нынче нету.

— Ясно почему — жара, все вглубь попрятались,— объяснил Гриша.— Будем на моих ловить.

Спустя полчаса мы сидели на берегу реки в тени густой ивы, глядя на красно-голубые поплавки наших удочек. А в воздухе мелькали разноцветные стрекозы, верблюдки и муравьиные львы.





НОЧНОЙ КОНЦЕРТ

Саянская ночь застала меня врасплох.

Весь день я «охотился» с фоторужьём за разным «таёжным народцем». К вечеру сильно устал и проголодался. Но поесть было нечего. Гоняясь за зверьём и птицами, я не заметил, как в азарте порвал котомку и выронил из неё все продукты.

Чтобы хоть чем-то набить желудок, я сделал из берёсты кузовок и принялся собирать в него грибы. Их было мало. Я заглядывал под кусты багульника, под коряги и незаметно вышел на пологое взгорье. Здесь я вдруг увидел перед собой большие груды свежих листьев бадана и зелёных стеблей черники. Они лежали на базальтовых валунах и на пнях. Их кто-то положил сушить. А кто? Я долго размышлял над этим, но так и не нашёл ответа. Разгрёб одну кучу, потом другую, побродил вокруг

них, ища какие-нибудь следы хозяина странного «покоса», но так и ушёл ни с чем.

Вскоре мне на пути попался старый сучковатый кедр. На вершине его виднелось множество спелых крупных шишек.

Я оставил кузовок с грибами на пне и подошёл к дереву. Положил наземь фоторужьё, топорик, дырявую котомку и тяжело полез вверх. Добравшись до шишек, я сбил их длинным сучком и начал спускаться. Но по дороге застрял в развилках толстых веток и провозился, выбираясь из них. А когда ступил на землю, стояла уже глубокая ночь: в Саянах темнеет быстро.

Я хотел разжечь костёр, но вспомнил, что потерял зажигалку. Она выпала из кармана, когда я лез на кедр. Спичек у меня не было. Я вынул из кармана электрический фонарик и собрал шишки. За кузовком с грибами не пошёл: всё равно жарить их было не на чем.

Пощёлкивая орехи, я наломал пихтовых веток, сделал из них постель и улёгся. От запаха прелого мха, кедровых шишек и пихтовой хвои закружилась голова и сразу же потянуло ко сну. Я закрыл глаза, и тотчас в памяти всплыло всё, что мелькало передо мной целый день: и рысь, и тайга, и скалы, потом грибы и груды сохнущих листьев. Всё же кто их натаскал? Но уставший мозг отказался работать, и я заснул.

Разбудили меня громкий шорох и хруст веток. Я открыл глаза, поднял голову и огляделся.

Всё вокруг было залито зеленоватым лунным светом. На кустах можжевельника, на еловых лапах — повсюду тускло поблёскивала обильная роса. От деревьев падали на траву густые, чёрные, как тушь, тени. В фиолетовом небе горели крупные жёлтые звёзды.

Я прислушался. Было тихо, нигде не раздавалось никаких звуков.

«Неужели почудилось?» — подумал я и в то же мгновение услыхал в стороне чавканье, громкое сопение и треск сучьев.

Секач, что ли? Я напряг зрение, но никого не увидел. Потом вспомнил, что диких кабанов в этих краях не водится, и... оробел. Неужели медведь? Рука невольно потянулась к топорику. По спине от страха пробежал недобрый холодок.

А чавканье всё приближалось и приближалось, затем послышался слабый хрип. Я бесшумно сел и затаил дыхание.

Вдруг шагах в двадцати от меня на поляне, залитой лунным светом, появился какой-то зверь. Был он невелик, с молодого медвежонка. За ним из тени вышел другой, потом третий. Что это были за звери, сколько я ни приглядывался, понять не мог: никогда ещё, кажется, таких не видел.

Звери постояли немного, словно о чём-то договариваясь. Потом один из них растянулся на траве. Остальные отошли в сторону, потоптались на месте да вдруг как побегут к лежачему и давай через него прыгать! Похрипывают, сопят, легонько порыкивают — чехарда ребячья, да и только!

Но скоро, видать, эта игра им надоела, и они собрались втроём у пенька. Сели в кружок, нос к носу, будто какой совет повели. «Посовещались» так с минуту и вдруг разбежались в разные стороны. Разбежались и давай друг за дружкой вокруг пней носиться. Догонит один другого, ткнёт в бок мордой и наутёк — настоящие пятнашки!

Но всё же что это за звери?

Я беззвучно поднялся и, держа в одной руке

карманный фонарик, а в другой на всякий случай топорик, осторожно двинулся к ним. Звери меня не чуяли и продолжали играть. Я подошёл к ним совсем близко и включил фонарик.

Два зверя юркнули в кусты. Третий, ослеплённый ярким светом, замер на месте.

Это был барсук. Он заслонил одной лапой глаза от света, а другой замахал, совсем как маленький человечек, стараясь отпихнуть ослепительный луч фонарика в сторону. Это выглядело до того забавно, что я рассмеялся. Потом выключил фонарик и свистнул. Барсук убежал. В темноте ещё долго слышался топот его широких лап.

«Вот тебе и ленивые отшельники! — думал я о барсуках, направляясь к своей постели. — Экие спектакли устраивают!»

Утром я отыскал потерянную зажигалку, развёл костёр и вспомнил о грибах, которые оставил вечером на пне.

Я пошёл за ними и ахнул от удивления.

Кузовок мой был разорван в клочья, а грибы бесследно исчезли. Кому они понадобились? Я начал озираться по сторонам, ища следы вора.

Взгляд остановился на знакомых грудах бадана и черничника. На широких листьях, как румяные булочки на зелёных тарелках, лежали мои грибы. А мои ли? Я перевернул один гриб и увидел ножку, перерезанную лезвием ножа. Мой!

Но кто их украл? Кто их сушит? Кто хозяин травяных запасов?

Я осмотрелся вокруг повнимательнее и заметил неподалёку большую нору. Подле неё виднелся целый ворох сухих кореньев. Я подошёл к норе и наткнулся на барсучьи следы на суглинке.

— Вот чудак! — сказал я тут себе. — Это же барсуки запас на зиму делают! Трава у них на постель пойдёт, а коренья — на еду. Ну, а грибы — это уж их главное лакомство зимой.

Я не стал забирать свои грибы у барсуков. Оставил им как плату за ночной концерт.





ВОЛШЕБНАЯ ВЕРЁВОЧКА

Мы с Миронычем собирались на охоту, когда в избу вошёл Семён Терёхин, высокий костлявый старик. Обычно всегда весёлый, сейчас он чем-то был сильно расстроен.

— Здорово, охотники! — мрачно сказал он и снял шапку. — За подмогой к вам пожаловал.

Он сел на табуретку, погладил широкую лысину грубой, в мозолях и трещинах, рукой и спросил:

— На зверя собираетесь или на дичь?

— Кто попадётся, — ответил Мироныч. — А ты что это сегодня чёрен, как пень горелый? Что стряслось-то?

— Почернеешь, когда тебя грабят, а ты поделать ничего не можешь, — хмуро проговорил Терёхин.

— Грабят? Кто грабит? Что?

— Да маралы. Прямо спасу нет. Подстрелили бы вы их, а? Сделайте такое, помогите мне.

— Подстрелить не трудно, да только штраф велик и совесть не велит,— произнёс Мироныч.— А что они у тебя разграбили?

— Сено. Один стог съели и ко второму подбираются.

— Вон что, понятно,— кивнул Мироныч.

— Я уж и тряпки красные вокруг стога вешал, и нафталином снег посыпал, и чего только ни делал — ничто их не отпугивает! Капканы ставил — обходят их. Хотел вот ещё яму вырыть подле стога, да земля каменистая. Одно осталось — перестрелять.

— «Перестрелять»...— усмехнулся Мироныч.— Ишь куда хватил! Да разве можно такое? Это же преступление будет!

— А что же мне делать тогда? Сожрут сено — корова голодать будет. А что важней — корова или эти маралы?

— Нда...— задумался Мироныч, затем предложил:— А почему бы тебе не вывезти его, сено-то? Вывезти — и делу конец!

— Да как его вывезешь? Река-то ещё на порогах толком не застыла, а другой дороги на мой покос нету — тропа только.

Старик умолк, потом горестно вздохнул:

— А сенцо-то у меня, прямо скажу, золотое. Целое лето на него потратил! Покос-то мой в тайге, а в тайге скоро не накосишь — кусты, кочки... Вот я целое лето и бился. Кое-как наскрёб возов десять, сметал в два стога, а тут вдруг эти маралы, на готовое-то!.. Скоро и от второго стога труху да ошмётки оставят. И как от них избавиться, рысь их разорви?! Как?— Терёхин вопросительно уставился на Мироныча.— Стрелять нельзя, тогда придумай что-нибудь другое. Ты же таёжник. Помоги найти выход!

— Ты табаком снег посыпал? — вдруг спросил Мироныч.

— Всем посыпал, даже керосином вокруг стогов всё полил — ничто их не держит!

— Вот как! — удивился Мироныч и призадумался.— Забавный случай, очень даже забавный. Обычно они боятся таких запахов, а тут... Даже что-то не верится. Ты ничего не путаешь?

— Да как я могу путать? В здравом же уме!

— Ну, ладно тогда. Попробуем разобраться, что к чему. Где твой покос-то? Не в Сыром ли логу?

— В нём самом.

— Ясно. Видел я осенью там твои два стожка. Не горюй, что-нибудь придумаем!

В Сыром логу мы с Миронычем появились на закате. Отыскали в устье ручья, впадающего в реку, сено Терёхина и подошли к нему.

Один стог был почти до основания разрушен и съеден. Вокруг него виднелось множество маральих следов. Тут же мы приметили и следы Терёхина — красные тряпки, остатки костра, пачку из-под махорки, чурку с капканами на тросе, бутылку из-под керосина и многое другое. Терёхин крепко потрудился, но сено всё-таки не уберёг. Разглядывая его следы и вдыхая острые запахи горелой резины и солярки, Мироныч не переставал удивляться:

— Да что же это за маралы такие? Прямо как коровы, ничего не боятся! Ну и ну...

Второй стог стоял на самом берегу реки. Маральих следов подле него было меньше, зато Терёхин тут поработал больше. Кроме того хлама, который мы видели у первого стога, здесь ещё

трепалось на ветру пугало в рваной фуфайке и драной шапке. Но было видно, что и это ухищрение не могло спасти сена. Маралы уже начали слегка теребить его, трусить и втаптывать в снег.

— Да-а...— почёсывая бороду, задумчиво произнёс Мироныч,— забавно всё это. Очень... А у Терёхина, видать, ума не хватило стога городьбой обнести — сушняку-то кругом вон сколько! — он кивнул на заросли горелого ельника.

Обойдя стог и осмотрев все предметы вокруг него, мы присели на лиственницу, поваленную ветром. Мироныч молчал, о чём-то сосредоточенно думая. Потом заговорил, не обращаясь ко мне:

— Отпугнуть-то мы их отпугнём, но сперва поглядеть бы я хотел на них. Уж очень чу́дными мне они кажутся, эти маралы. Ни запах, ни цвет их не пугает. А ведь они дикие и человека непременно должны бояться. Что-то тут не то. Не то!

— А чем мы их отпугнём, Мироныч? — спросил я.

— Чем? — он повернулся ко мне.— Верёвочкой.

— Какой верёвочкой?

— Вот этой.— Мироныч вынул из рюкзака длинную льняную бечёвку и подал мне.— Специально прихватил. Иначе, видать, их ничем не остановишь. Натянем её сейчас на колья вокруг стога, и никакой марал сюда больше не подойдёт!

Я внимательно оглядел, ощупал и даже обнюхал бечёвку, но ничего особенного в ней не обнаружил. Удивлённый, я с подозрением посмотрел на Мироныча: не подшучивает ли он надо мной? Но он уже вырубал с озабоченным видом из сушины колья. Подозрения мои рассеялись, и я спросил:

— А что в ней за сила такая, в этой верёвочке?

— Сила? — Мироныч окинул меня пристальным взглядом и вдруг лукаво усмехнулся: — Волшебная сила.

Он понял, что я не имею никакого представления о его верёвочке, и решил потешиться надо мной. Такая уж у него была привычка. Но потешался он всегда с умыслом — хотел, чтобы я сам разобрался в том, что казалось мне неясным.

— Самая наиволшебная сила, — повторил он, втыкая в снег острый кол, и попросил: — Помогика мне...

Мы установили вокруг стога четыре кола и натянули на них бечёвку.

— Ну, вот и всё, — сказал Мироныч. — А сейчас мы где-нибудь спрячемся. Уж очень хочется мне повидать этих сеноедов.

— Думаете, сегодня придут? — усомнился я.

Мироныч поглядел на вечернее небо, по которому мчались снежные тучи, и заключил:

— Должны прийти. Дело к метели. А метель — самое время маралу у стога потоптаться.

Мы осторожно перешли по заснеженному льду на другой берег речки и затаились там в густом низком ельнике.

Смеркалось. Словно туман, отовсюду поползла синева. Скоро в ней потонули дальний лес и прибрежные скалы. А стог и ближние деревья сделались серыми и начали расплываться.

Мы лежали на снегу, рябом от заячьих лап. Дул холодный, въедливый ветер. Я продрог и хотел встать на ноги, чтобы согреться, но Мироныч прошептал:

— Тише! Идут!

Я поспешно поднёс к глазам бинокль, посмотрел на покос и совсем рядом увидел двух маралов — быка и корову. Они пробирались через



сушняк к стогу. Несмотря на сумерки, в бинокль хорошо проглядывались их поджарые фигуры, большие шоколадные глаза и все отростки огромных рогов на голове быка, который шёл первым.

Животные были спокойны и подходили к сену свободно — совсем как домашняя скотина.

— Бинокль! — громким шёпотом попросил Мироныч.

Я подал ему бинокль. Он вцепился в него с непонятной мне жадностью и долго следил за маралами, потом промолвил:

— Так и знал! Ясно теперь, почему они Терёхина не боятся. Посмотри им на уши!

Я поглядел в бинокль и увидел на мараличьих ушах какие-то железные скобки.

— Это клейма, — объяснил мне Мироныч. — Маралы сбежали из Артёмовского питомника. Помнишь, об этом недавно ещё в районке писали? Читал?

Я отрицательно помотал головой и спросил:

— Выходит, они ручные?

— Да. Может, в питомнике даже и родились.

— Тогда, конечно, они ничего не боятся. И верёвочка ваша их не отпугнёт, хоть она и волшебная, — усмехнулся я.

— Верёвочка? — Мироныч хитровато прищурился. — Это мы ещё посмотрим — отпугнёт или нет.

Маралы приблизились к стогу и неожиданно резко остановились. Шерсть на загорбке у быка вздыбилась, и он с шумом потянул носом. Подруга его вскинула голову и стала пугливо озираться по сторонам. Затем шагнула к сену, ткнулась носом в бечёвку и вдруг метнулась от неё в сторону, побежала. Бык кинулся за ней, и через

несколько мгновений животные скрылись в дальнем березняке.

— Видал? — с торжествующим видом произнёс Мироныч и поднялся со снега. — А ты смеялся...

— А что же они унюхали в ней, в этой верёвочке? — взмолился я. — Объясните же, Мироныч!

Мы вернулись к стогу. Мироныч отрезал ножом кусочек бечёвки и подал его мне:

— Брось дома собаке — может, сам поймёшь.

Возвратясь домой, я подозвал к себе собаку Жульку, любимицу Мироныча, и дал ей понюхать отрезок бечёвки. Жулька ощетинилась и зарычала, словно почуяла рядом хищного зверя. Я тоже понюхал бечёвку, но, как и на покосе, опять не уловил никакого особенного запаха.

— Нюх у тебя не тот, скажи ему, Жулька! — рассмеялся Мироныч, успокаивая собаку.

Озадаченный, я молчал.

— Эх, ты! — хлопнул меня по боку Мироныч. — Чего понять не можешь!.. Ведь она, верёвочка-то, составом из медвежьего и рысьего жира смазана. А маралам да собакам эти хищники — первейшие враги. Вот они, маралы-то с собакой, и щетинятся. Нюх-то у них поострей нашего. Понимаешь теперь? Ну, то-то!..





КЛАДЫ САЯНСКОЙ ТАЙГИ

Полуденный воздух густ и неподвижен. Лишь изредка набежит ветерок, и тогда в нос остро ударяет то горячим запахом пихтовой смолы, то терпковатой прелью бадана, то прохладной сыростью подлеска. От несносной жары и духоты в тайге поутихли все звуки. Только монотонно гудят шмели, пищит комарьё да поёт свою вечную песню в овраге безымянная речушка-воркунья.

Обливаясь по́том, мы с Костей Вязиным тащимся вдоль оврага от реки Абакан к Чёрному озеру. Идти тяжело: тропа, проложенная по краю оврага, ведёт всё время в гору и в гору. Почти через каждую сотню шагов нам приходится огибать лесные завалы или продираться сквозь колючие заросли молодого сушняка. Иногда тропа перекидывается с одной стороны оврага на другую, и тогда нам приходится замирать от страха на шатких мостках, перебираясь по ним через овраг, на дне которого бьётся об острые камни шальная речушка.

Речушка эта вытекает из Чёрного озера, окружённого в народе разными легендами и тайнами. Одна легенда гласит, будто белый атаман Семёнов при бегстве в Монголию спрятал в его пучине свинцовый сундук с драгоценностями. Другая рассказывает, что в озере водится настоящая сельдь и живёт живородящая рыба голомянка. Правда, в эти легенды мало кто верит. Однако глянуть на таинственное озеро хочется каждому, кто слышал о нём хотя бы краем уха.

Но не знакомство с озером главная задача нашего похода. На озере нас ждёт Леонид Ермилович Золотавин, лучший охотник Шорского зверопромхоза, большой природолюб и краевед. К нему-то мы и шагаем. Встреча с бывалым натуралистом сулит нам много интересного: Золотавин не только отличный знаток лесной жизни, но и прекрасный рассказчик таёжных былей. Слушать его — великое наслаждение.

С Леонидом Ермиловичем я знаком давно, не раз хаживал с ним на охоту, удил рыбу и заслушивался его рассказами. Но это случалось всегда близ посёлка, где живёт Золотавин.

Ныне Леонида Ермиловича я в посёлке не застал: охотник подался в верховья Абакана на промысел маральих пантов. Перед уходом он сообщил Косте Вязину о моём скором приезде и просил проводить меня к Чёрному озеру: Костя не однажды бывал в тех местах и хорошо знал дорогу.

И вот мы идём.

Подъём постепенно становится положе, овраг расширяется и вскоре совсем исчезает, превратившись в широкую долину, поросшую кедром. Тропинка вьётся теперь по самому берегу безымянной речушки. Спадает и жара. В лицо бьют

струи прохладного воздуха. Чувствуется близость гольцов, вечного снега и большой воды.

— Скоро озеро,— сообщает Костя.— А сейчас будет Маралий сад.

— Маралий сад? А что это такое?

— Выставка цветов бабушки тайги,— отвечает Костя.

Минут через десять лес неожиданно расступается, и впереди показывается огромная поляна. Я невольно останавливаюсь и замираю.

Бордовые марьины коренья, огненные жаркѝ, яркие полевые лилии, белопенные заросли цветущей черёмухи, мириады цветов — всё это буйствует броскими красками и заполняет воздух над поляной радужным трепетным светом. В воздухе танцуют тысячи разноцветных бабочек, сверкают серебром крыльев стрекозы, жужжат шмели и пчёлы; чёрными молниями проносятся визгливые стрижи. Не таёжную поляну, а сгусток кипящей лесной жизни вижу я перед собой и стою зачарованный. Стою, не в силах произнести ни слова: так ошеломительна и так властна красота этой несказанной девственной жизни!

Из оцепенения меня выводит Костя, предлагая идти дальше. Пересекая поляну, я спрашиваю, почему у неё такое название — Маралий сад.

— А тут маралы по осени свадьбы устраивают, турниры,— отвечает мой юный проводник.— Трубят, как в басы дуют, а дерутся — земля дрожит от топота копыт да стука рогов. Идите за мной, я вам что-то покажу.

Он увлекает меня на опушку леса и показывает два маральих скелета. Они лежат на земле, намертво сцепившись рогами.

— Вот чем кончился турнир у этих двоих,—

невесело говорит Костя.— Бились, бились и сцепились... Страшный случай!

Я мысленно представляю себе такую картину. Глубокая осень. На поляне лежат два ослабевших марала. Но не страх смерти отражается в их глазах, а ненависть: каждому кажется, что его не хочет отпустить от себя соперник. И оба злятся, борются, тратя остатки сил.

— Идёмте дальше,— выводит меня из грустной задумчивости Костя.— И глянем лучше на что-нибудь повеселей. На тайменей, например. Никогда не видели, как они на солнце загорают?

— Таймени — загорают? Да они что — тюлени? Или нерпы? Разве такое бывает?

— Случается. Повезёт — сейчас сами увидите. Только тихо.

Костя ведёт меня по горной речушке, течение которой становится всё тише, сама она — шире, а вода в ней — глубже. Проходим берегом шагов двести, и русло речушки вовсе переходит в спокойный плёс. Вода в нём прозрачней хрусталя. Сквозь неё просматривается каждый камешек, лежащий на дне, каждая песчинка.

— Таймени! — резко останавливается Костя и кивает на плёс.— Глядите, сколько их!

Я лихорадочно ищу глазами в воде рыб, но нигде их не замечаю. На дне лежит только какая-то торпедообразная крупная галька с хвостом-стабилизатором красноватого цвета. Рядом видна ещё одна такая же. И ещё. Странные гальки... Вдруг одна из галек шевельнулась, поплыла. Ба! Да это же и есть таймени! Я считаю их — одиннадцать рыбин! И каких — метровых! Сами они серого цвета, а плавники и хвосты у них огненные; глаза — круглые, маленькие; носы — тупые, приплюснутые, а пасти — в каждую ботинок

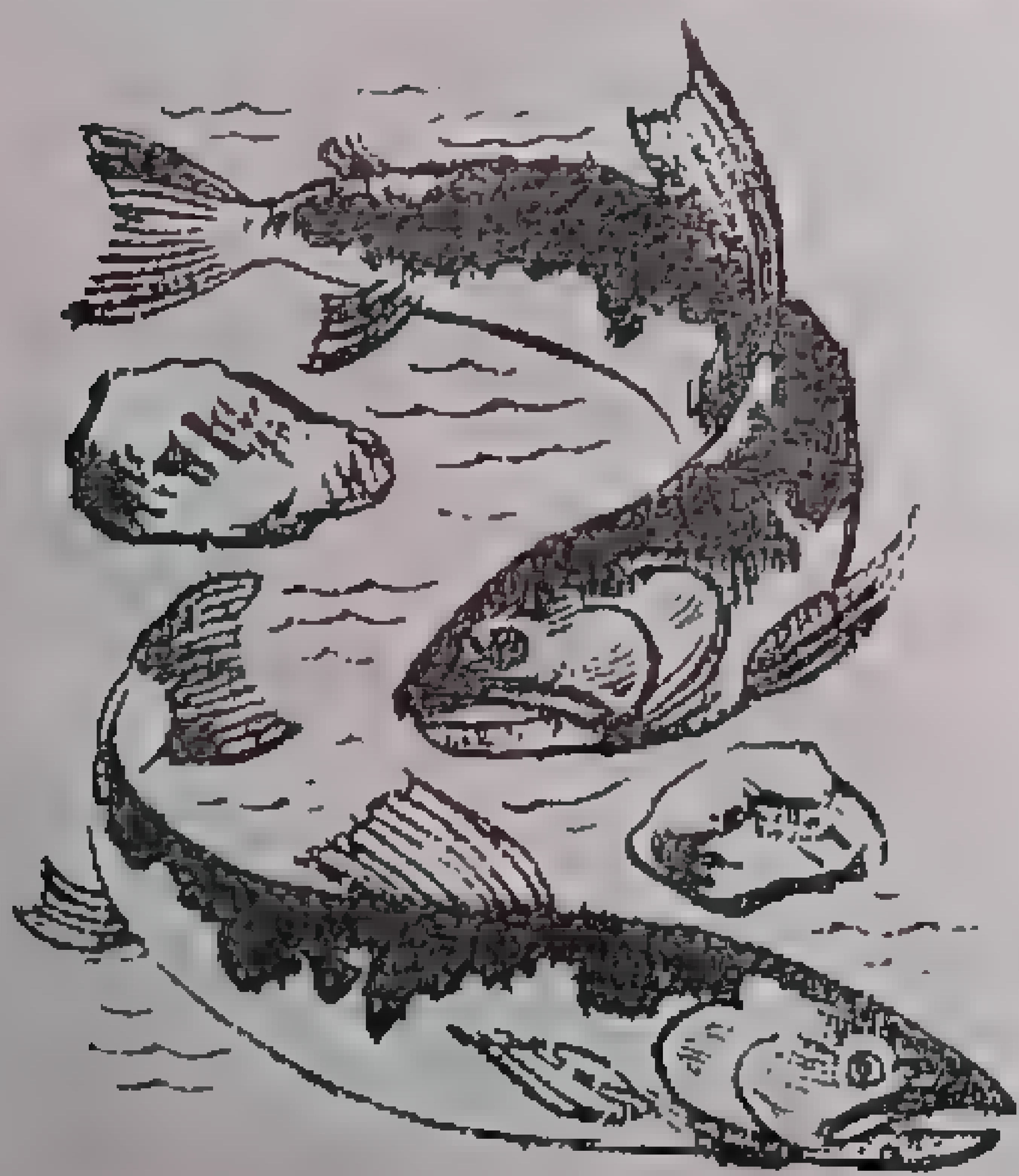
войдёт! Пошевеливают жабрами, переваливаются с боку на бок, но никуда не уплывают, держатся стаей на одном месте. И кажется, ничего на свете не боятся — ни того, что плёс очень мелкий и прозрачный, ни того, что люди рядом. Почему так? Костя объясняет это по-своему:

— Греются они. В пасмурный день их тут не увидишь. А сегодня солнце-то вон как палит! Вот и выбрались на пляж, загорают, нежатся. Хорошо им сейчас, оттого они и всему на свете доверяют: и ясной воде, и нам, людям.

Мы оставляем в покое доверчивых рыбин и шагаем дальше. Плёс заканчивается, и впереди показывается небольшой, но шумный и пенистый порог. Глядя на него, Костя говорит:

— Отличное местечко! Ловите метляков, а я той порой удочку приготовлю. Хариусов тягать будем.

Пока я ловлю кепкой метляков — слепней, стрекоз и разных бабочек, — мой юный проводник вырубает из тонкой рябинки длинное удилище и привязывает к нему леску с крючком. Потом насаживает на крючок большую капустницу и взмахивает удочкой. Капустница падает в воду и почти тотчас же исчезает с глаз. Костя дёргает леску, и из воды вылетает извивающаяся рыбина. Это большой хариус. С минуту он играет всеми цвета-



ми радуги, затем начинает блёкнуть и вскоре становится серым и неказистым. А Костя уже подаёт мне пару новых рыбин, потом ещё одну и говорит:

— Ну, будет с нас. На уху хватит, а больше зачем нам — не солить же. Да если и засолишь, много отсюда не унесёшь: до ближнего посёлка больше ста километров. Правда, на Чёрном озере иногда промхоз ловит и солит целыми бочками. Но уж больно золотая рыбка получается: её оттуда на вертолёте вывозить приходится, а это ох как накладно!..

Костя, хотя он и школьник, в курсе всех дел родного зверопромхоза, потому что с детства дружит с охотниками и рыбаками, душой прикипел к их трудам и заботам, живёт их бедами и радостями. Какой урожай кедровых шишек, грибов и ягод в тайге, много ли на угодьях промхоза маралов, коз, медведей, барсуков, соболей, белок, боровой дичи — обо всём этом Костя знает не хуже заправского охотника.

Мы входим в кедрач. На высоких подушках изумрудного мха лежат прошлогодние кедровые шишки, облупленные грызунами. На одной из подушек я замечаю свежие останки бурундука.

— Соболь пообедал,— объясняет Костя и начинает ворчать: — Поразвелось его — граблями греби, всех косачей повывел!

Костя возмущается незлобиво: ему явно нравится, что соболя в его родной тайге нынче стало много, даже с избытком, от него уже вон боровая дичь начала страдать.

— А как у вас с белкой, Костя?

— Белка — зверюшка перелётная: орехи есть — белка есть, нет орехов — и белки нет. Сейчас узнаем, будет ли нынче здесь белка.

Костя, скинув рюкзак, быстро и проворно



взбирается на вершину одного из кедров и возвращается оттуда с зелёной веткой. На ветке звёздочка из четырёх молодых синих шишек.

— Будет нынче белка! — восклицает Костя довольно.— Зима тёплая стояла, молодь не помёрзла, шишек растёт уйма. Будет белка!

За лугом виден лес, а над ним небольшой столб дыма. Мы спешим на дым и вскоре оказываемся у костра, подле которого стоит шалаш. Золотавин печёт на углях картошку. Здороваемся, говорим о житье-бытье. Готовим уху из Костиных хариусов и хлебаем её, закусывая чёрным хлебом и сочной черемшой.

— Как панты? — спрашиваю я охотника.— Добыли марала-то?

— Нет,— улыбается он застенчиво и немного растерянно.— Что-то я сентиментальным стал. Старею, видно. Выследил его на солонцах, взял на мушку, курок осталось спустить — и не смог. Красивый стоит, гордый — не олень, а сам бог тайги. Так и не выстрелил. Отложил до другого раза. Только убью ли? Не хочется что-то из-за пантов этакую красоту губить. Знаю: панты нужны государству, но не могу. Лето кругом, вся жизнь в цвет входит, а я убивать должен. Нет, трудно это сделать.

За шалашом в лощине я замечаю валки сохнущей травы — и удивляюсь, кому это понадобилось устроить покос в такой дали от жилья.

— Моя работа,— говорит Золотавин.— Подсохнет — сгребу и стожок поставлю. Зимой маралам да козам поддержка будет. А как иначе? Нельзя же всё время брать от природы, надо же когда-то и давать ей. Вот я поставлю стожок да другой поставит — зверью и легче станет: сохранится лучше и приплод даст. А иначе никак дальше нельзя: оскудеет тайга, опустеет.

Время за разговорами летит быстро, незаметно. И я вдруг спохватываюсь: уже наступили сумерки, а я ещё не побывал на Чёрном озере.

— Что, не терпится поискать семёновский клад?— смеётся охотник.— Завтра сходим. А клады в этих местах действительно имеются. Одних кедровых орехов, например, многие тонны каждый год можно добывать. Потом ягоды, грибы, травы лекарственные. Но как всё это взять, чьими руками? Работники промхоза одни не управятся: мало их.

— А вы нас, школьников, пригласите,— предлагает Костя.— Мы вам поможем. А что? Собираем же мы лекарственные травы в тайге, а почему бы орехи нам не добывать? Или боитесь, что с кедра упадём?

— Гм, подумать надо, предложение толковое. Буду в конторе — обязательно доложу.

Сумерки сгущаются, становится прохладно и сыро. Мы делаем костёр пожарче, придвигаемся ближе к огню. Я собираюсь попросить Золотавина рассказать что-нибудь «на сон грядущий» из его натуралистических наблюдений, как вдруг вздрагиваю от жуткого лая. Лай несётся с ближайшего косогора.

— Кто это?

— Козёл пугает,— спокойно отвечает охотник.— Под собаку подстраивается. Это у него

такой способ самозащиты — пугать. Почуял нас, рассердился — вот и загавкал. От страха, конечно. Сам, поди, сейчас уже за седьмую гору скачет. Боязливый зверь.

— А какой, по-вашему, самый храбрый?

— Заяц,— серьёзно отвечает охотник.— Да, да, не улыбайтесь. Вот какой случай произошёл однажды со мной. Было это как-то по первому снегу. Днём. Стою у костра, греюсь. И вдруг — что это? — заяц подле ног проскакивает и замирает между мной и костром. Столбиком! Я так и опешил. Оглядываюсь, а сзади рысь стоит. Я как гаркну на неё, а она жёлтой молнией от меня, только её и видел. А заяц посидел, посидел у костра и легонько так, без спешки, без страха скок-поскок и пропал в подлеске... Ну ладно, поболтали, пора и спать. Завтра с утречка пораньше на озеро двинемся.

Утро. Мы идём густым еловым молодняком. Сквозь его колючий лапник проглядывает розоватое небо. Неожиданно ельник расступается, и поразительная картина открывается моим глазам.



Снежные шапки величественных гольцов, разноцветные утёсы, изумрудные кедрачи и розовый ситец неба — всё это перевернулось вниз головой и неподвижно покоится на гигантском зеркале озера, лежащего между крутых каменистых гор.

— Почему же его Чёрным называют? — невольно удивляюсь я.— Этому озеру больше подошли бы такие названия: Радужное, Зеркальное.

— Это оно в ясную погоду

так выглядит,— отвечает Золотавин.— А в ненастье оно чёрное, как гудрон. И злое — будто в нём сам чёрт сидит. Ветер подует—волны в рост человека встают.



Сейчас на озере покой и тишь. Слышно, как вдали крякают невидимые утки да картавят в кедрачах кедровки. Эти же самые звуки, наверное, раздавались здесь и сто, и тысячу лет назад, отчего озеро кажется царством самой вечности.

Золотавин подводит нас с Костей к лодке, предлагает покататься по озеру. И скоро мы уже плывём. Вода в озере до того прозрачна, что кажется, её вовсе нет и мы плывём на лодке по воздуху. Плывём над камнями, водорослями, над косяками рыб, которые нас совершенно не боятся.

Вдруг дно круто уходит куда-то вниз и становится невидимым. Золотавин указывает рукой в сторону. Я поворачиваю голову и замечаю огромный косяк крупной рыбы.

— Сиги,— шепчет охотник.— Здесь их тонны и тонны. Чем не клад, а?

Он встаёт в лодке во весь рост и, глядя по сторонам на тайгу, на горы, на озеро, произносит так, словно с кем-то спорит:

— Есть, есть ещё в нашей тайге клады. Не иссякли. И будут вечно, если, конечно, станем хранить их и беречь.

...Восходит солнце, озеро становится ещё красивее, вокруг всё оживает. Над водой то и дело пролетают стаи уток. На мыске, в кустах таволги,

пьют из озера маралиха с телёнком. Серебристая выдра катится на брюхе по скользкому камню в воду...

«Да, богата саянская тайга,— думаю я,— велики её клады, и они не иссякнут, пока их хранителями будут такие рачительные и умелые люди, как охотник Золотавин и школьник Костя».

А солнце поднимается выше и выше, обещая Западным Саянам погожий день.



СОДЕРЖАНИЕ

Для младшего возраста

Игнатий Иванович Пономарёв

ЛЕСНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

ИБ № 2886

Ответственный редактор
Г. А. Иванова
Художественный редактор
Т. М. Токарева
Технические редакторы
Н. Д. Лаукус
и Н. И. Лукова
Корректор
Ю. М. Измайлова

Сдано в набор 08.12.78. Подписано к печати 11.05.79. Формат 60Х84 1/16. Бум. типогр. № 1. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 3,76. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4007. Цена 30 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Пономарёв И. И.

П56 Лесные человечки: Рассказы/ Рис. В. Лаповок.— М.: Дет. лит., 1979.—95 с., ил.

В пер.: 30 к.

В небольших познавательных рассказах автор знакомит читателя с удивительными повадками диких животных.

$П\frac{70802-298}{М101(03)79}391-79$

ББК 28.6
59

30 коп.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»



PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190